

Лунный камень

Автор:

Уильям Коллинз

Лунный камень

Уильям Уилки Коллинз

Английский писатель Уилки Коллинз – один из создателей детективного жанра. «Лунный камень» – самое знаменитое произведение Коллинза, лучший детективный роман в английской литературе.

В день своего совершеннолетия Рэйчел Вериндер, согласно завещанию дяди, получает в дар огромный алмаз редкой красоты. Никто не подозревает, что этот камень – предмет религиозного культа, похищенный из индийского храма. По древнему преданию, алмаз приносит несчастье всякому незаконному владельцу, в чьих руках оказывается. На следующее утро камень таинственным образом исчезает из спальни Рэйчел, и тяжкие подозрения падают на близких ей людей и на нее саму.

Уилки Коллинз

Лунный камень

ПРОЛОГ

Штурм Серингапатама (1799)

Записки из фамильных бумаг

I

Я пишу эти строки в Индии и адресую их моим родным в Англии. Цель записок – объяснить причину, заставившую меня отказать в дружеском пожании руки моему кузену Джону Гернкастлю. Молчание, хранимое мной до сих пор по этому поводу, было превратно истолковано членами моего семейства, доброго мнения которых я лишаться не желаю. Прошу их не принимать окончательного решения, пока они не прочтут мой рассказ.

Разногласие между мной и моим кузеном возникло во время великого события, в котором участвовали мы оба, – штурм Серингапатама под предводительством генерала Бэрда 4 мая 1799 года. Чтобы внести ясность, я должен обратиться к периоду, предшествовавшему осаде, и поведать о тех рассказах, что бытовали в нашем лагере.

II

Один из самых невероятных рассказов повествует о желтом алмазе. Самое старинное из известных преданий говорит, что этот камень украшал чело четырехрукого индийского бога Луны. Отчасти из-за своего необычного цвета, отчасти из-за суеверий, связанных с тем, что в полнолуние он блестит ярче, а с убылью луны, наоборот, тускнеет, он и получил название, под которым до сих пор известен в Индии, – Лунного камня.

Приключения желтого алмаза начинаются с одиннадцатого столетия христианской эры. В ту эпоху магометанский завоеватель Махмуд Газни, ворвавшись в Индию, захватил священный город Сомнаут и ограбил знаменитый храм, несколько столетий привлекавший индустанских богомольцев и считавшийся чудом Востока.

Из всех божеств, которым поклонялись в этом храме, только бога Луны не коснулись варварские деяния магометанских победителей. Под охраной трех браминов[1 - Брамины – представители высшей касты в Индии.] неприкосновенного идола с желтым алмазом во лбу под покровом ночи перевезли в Бенарес. Там, в новом капище – в зале, украшенном драгоценными камнями, увенчанном золотыми колоннами, и поместили бога Луны, и он вновь

стал предметом поклонения. В ту же ночь Вишну-зихдитель явился трем браминам во сне. Божество велело им охранять Лунный камень денно и ночью до скончания века и предрекло большое несчастье не только тому, кто дерзнет наложить руку на священный камень, но и всем происходящим из его рода. Брамины велели записать это предсказание на воротах святилища золотыми буквами и подчинились воле Вишну-зихдителя.

Один век сменялся другим, а все преемники трех браминов из поколения в поколение продолжали хранить Лунный камень, пока в начале восемнадцатого столетия христианской эры не воцарился монгольский император Аурангзеб. По его приказанию храмы почитателей Браммы снова стали разорять и грабить. Осквернив капище четырехрукого бога умерщвлением священных животных, один из военачальников Аурангзеба похитил Лунный камень.

Оказавшись не в состоянии вернуть потерянное сокровище, три жреца-хранителя принялись неустанно следить за злодеем. Одно поколение сменяло другое, воин, совершивший святотатство, давно уже погиб страшной смертью, но Лунный камень продолжал переходить от одного магометанина к другому, принося с собой проклятие. Преемники трех жрецов-хранителей наблюдали за этими перемещениями драгоценного алмаза, терпеливо дожидаясь того дня, когда воля Вишну-зихдителя возвратит им его. Так, камень достался Типпу, серингапатамскому султану, который, сделав из него украшение для рукоятки своего кинжала, поместил его среди сокровищ оружейной палаты. Даже тогда, в самом дворце султана, три жреца-хранителя тайно продолжали оберегать его. В числе служителей Типпу были три иностранца, завоевавшие доверие своего властелина тем, что перешли, быть может с умыслом, в магометанскую веру. По слухам, это и были жрецы.

III

Вот такая фантастическая история ходила по нашему лагерю. Она не произвела серьезного впечатления ни на кого из нас, за исключением моего кузена: любовь ко всему чудесному заставила его поверить этой легенде. В ночь перед штурмом Серингапатама он рассердился на меня и на остальных за то, что мы назвали историю басней. Возник глупейший спор, и Гернкастль со свойственной ему хвастливостью объявил, что мы увидим алмаз на его пальце, если английская армия возьмет Серингапатам. Громкий хохот встретил его слова, и все мы подумали, что этим дело и кончится.

Теперь давайте перенесемся в день осады. Нас с кузеном разлучили в самом начале штурма. Я не видел его ни когда мы переправлялись через реку, ни когда перешли через ров, ни когда водружали английское знамя на завоеванных территориях. Только в сумерках, когда город уже был наш и генерал Бэрд обнаружил труп Типпу под кучей убитых тел, я встретился с Гернкастлем.

Нас обоих прикомандировали к отряду, посланному по приказанию генерала остановить грабеж и беспорядки, следовавшие за нашей победой. Я встретился с кузеном на дворе перед кладовыми и мог ясно видеть, что горячий нрав Гернкастля доведен до высшей степени раздражения страшной резней, через которую мы прошли. По моему мнению, он на тот момент был неспособен исполнять вверенную ему обязанность.

В кладовых царил хаос и суматоха, но насилия я не видел. Тщетно пытаюсь навести порядок, я вдруг услышал страшный вой на другой стороне двора и тотчас побежал на эти крики. Я подошел к открытой двери и увидел лежащие на пороге тела двух мертвых индусов (по их одежде я узнал, что это дворцовые офицеры).

Крик, раздавшийся изнутри, заставил меня поспешить в комнату, которая оказалась оружейной палатой. Третий индус, смертельно раненный, падал к ногам человека, стоявшего ко мне спиной. Он обернулся как раз в ту минуту, когда я входил. Это оказался мой кузен. Джон держал в одной руке факел, а в другой – обагренный кровью кинжал. Камень, вделанный в его рукоятку, сверкнул, как огненная искра, когда он повернулся ко мне. Умиравший индус упал на колени и, указывая на кинжал в руках Гернкастля, сказал на своем родном языке:

-?Лунный камень отомстит тебе и твоим потомкам!

Прежде чем я успел что-либо сделать, солдаты, следовавшие за мной через двор, вбежали в комнату. Мой кузен как сумасшедший бросился к ним на встречу.

-?Очистите комнату! – закричал он мне. – И поставьте у дверей караул!

Солдаты отступили, когда он кинулся на них с факелом и кинжалом. Я поставил у дверей двух часовых, на которых мог положиться, и ушел.

Рано утром грабеж еще продолжался, и генерал Бэрд под барабанный бой публично заявил, что любой вор, пойманный на месте преступления, кто бы он ни был, будет повешен. В толпе, слушавшей эту прокламацию, я опять встретил Гернкастля. Он, по обыкновению, протянул мне руку и проговорил:

-?Здравствуйте.

Я не решился подать ему руки.

-?Скажите мне прежде, – произнес я, – из-за чего умер индус там, в оружейной палате, и что значили его последние слова, когда он указывал на кинжал в вашей руке?

-?Индус умер, я полагаю, от смертельной раны, – ответил Гернкастль. – А о том, что значили его последние слова, мне известно так же мало, как и вам.

Я пристально посмотрел на него и спросил:

-?Вы больше ничего не хотите мне рассказать?

-?Нет, – прозвучало в ответ.

Я повернулся к нему спиной, и с тех пор мы больше не говорили друг с другом.

IV

Я прошу заметить, что все написанное здесь о моем кузене предназначено только для родных. Гернкастль не сказал ничего такого, что давало бы мне повод для разговора с нашим полковым командиром. Джона не раз дразнили алмазом те, кто помнил о его горячей вспышке перед штурмом; очевидно, что воспоминаний об обстоятельствах, при которых я застал его в оружейной палате, было достаточно, чтобы заставить его молчать. Ходят слухи, что он намерен перейти в другой полк – вероятно, для того, чтобы расстаться со мной.

Я не могу ни в чем обвинять Гернкастля, потому что у меня нет никаких улик, кроме косвенных. Я не только не могу доказать, что он убил двух индусов,

стоявших у дверей, я не могу даже утверждать, что он убил третьего, потому что не видел этого собственными глазами. Пусть наши родственники сами составят об этом мнение и решат, обоснованно мое отвращение к этому человеку или нет.

Хотя я и не верю в индийскую легенду об алмазе, я убежден в виновности Гернкастля и думаю, что он навлечет этим камнем беду не только на себя, но и на других.

Первый период – Пропажа алмаза (1848)

События, рассказанные Габриэлем Беттереджем, дворецким леди Джулии Вериндер

I

В первой части «Робинзона Крузо» есть такие слова: «Теперь я понимаю, хотя и слишком поздно, как безрассудно предпринимать какое-нибудь дело, не просчитав издержки и не подумав о том, придется ли оно по силам».

Только вчера я раскрыл своего «Робинзона Крузо» на этом месте, а уже сегодня утром (21 мая 1850 года) ко мне пришел племянник миледи мистер Фрэнклин Блэк с таким разговором:

–?Беттередж, я был у нашего адвоката насчет некоторых семейных дел, и между прочим мы разговорились с ним о пропаже индийского алмаза из дома моей тетки в Йоркшире два года тому назад. Так же, как и я, юрист полагает, что всю эту историю следовало бы записать в интересах истины, и чем скорее, тем лучше, ведь, как вам известно, из-за пропажи этого алмаза репутация невинных людей пострадала уже от одного только подозрения. Итак, адвокат предлагает нам всем изложить историю Лунного камня поочередно. Мы должны начать с того, каким образом алмаз попал в руки моего дяди Гернкастля, когда он служил в Индии пятьдесят лет тому назад. Эта предыстория уже имеется у меня в виде

старой фамильной рукописи. Потом следует рассказать о том, каким образом алмаз попал в дом моей тетки в Йоркшире два года назад и как он пропал через двенадцать часов после того. Никто не знает лучше вас, Беттередж, что происходило в доме в то время. Следовательно, вы должны взять перо в руки и начинать рассказ.

Прошло два часа, как мистер Фрэнклин оставил меня. С тех самых пор я сижу совершенно беспомощный, несмотря на свои способности, потому что столкнулся с тем, о чем говорил вышеупомянутый Робинзон: безрассудно приниматься за дело, не просчитав издержки и не подумав о том, по силам ли оно. Накануне я случайно раскрыл книгу на этом самом месте, и, позвольте спросить, неужели это не было предсказанием?

Все это не похоже на начало истории об алмазе, так ли? С вашего позволения, я возьму новый лист бумаги и начну заново.

II

Алмазу никогда бы не бывать в нашем доме, если бы его не подарили дочери миледи, а дочь миледи не получила бы этого подарка, если бы миледи в страданиях и муках не произвела ее на свет. Следовательно, с миледи мы и начнем.

Если вы хоть сколько-нибудь знаете большой свет, то, наверно, слышали о трех прелестных мисс Гернкастль: мисс Аделаиде, мисс Каролине и мисс Джулии – младшей и, по моему мнению, красивейшей из трех сестер. Я поступил в услужение к старому лорду, их отцу, и он сделал меня пажем своих дочерей, когда мне было пятнадцать. Я жил в доме лорда, пока мисс Джулия не вышла за покойного сэра Джона Вериндера и не взяла меня с собой.

Видя, что миледи занялась хозяйством, я тоже им заинтересовался, тем более что я был седьмым сыном бедного фермера. Госпожа назначила меня помощником управляющего, я старался изо всех сил и скоро получил повышение. Несколько лет спустя миледи сказала:

-?Сэр Джон, твой управляющий – глупый старик. Назначь ему хорошую пенсию и отдай его место Габриэлю Беттереджу.

Заняв почетное место, я получил свой собственный коттедж. По утрам я объезжал поместья, днем составлял отчет, вечером, покуривая трубку, читал «Робинзона Крузо». Разве можно было еще чего-то желать? Но вспомните, чего недоставало Адаму, когда он жил в раю один. Если вы не осуждаете его, то не осуждайте и меня.

Женщина, на которой я остановил свой взор, была та, что занималась хозяйством в моем коттедже.

-?Я думал о Селине Гоби, – признался я миледи, – и мне кажется, что мне будет дешевле жениться на ней, чем содержать ее.

Госпожа расхохоталась и ответила, что не знает, чем более оскорбляться – моим языком или моими правилами. Не поняв ничего, кроме того, что могу сделать предложение Селине, я пошел к ней. Разумеется, она сказала «да». Мы не были счастливой, но не были и несчастной четой. Того и другого было пополам. Мы всегда мешали друг другу. Когда я хотел подняться наверх, моя жена спускалась вниз, и наоборот. Вот какова супружеская жизнь, как я сам испытал ее.

После пятилетних недоразумений Провидению было угодно разлучить нас друг с другом, забрав мою жену. Я остался с маленькой Пенелопой. Вскоре после этого умер сэр Джон, и миледи осталась с маленькой дочерью, мисс Рэйчел. Я плохо описал миледи, если надо говорить о том, что моя маленькая девочка росла под присмотром доброй госпожи, а потом стала горничной мисс Рэйчел.

Я занимал должность управляющего до Рождества 1847 года, после чего в моей жизни наступили перемены. Как-то миледи напросилась ко мне в коттедж на чашку чая. Она заметила, что с того дня, как я поступил пажем к старому лорду, прошло уже более пятидесяти лет, и подарила мне прекрасный шерстяной жилет, сделанный ее собственными руками.

Получив этот великолепный подарок, я не знал, как и благодарить госпожу за оказанную мне честь. Однако, к моему великому удивлению, этот жилет оказался не честью, а подкупом. Миледи заметила, что я старею, прежде чем я

понял это сам. Она навестила меня в коттедже, чтобы попросить отказаться от должности управляющего и отправиться на покой, исполняя обязанности дворецкого в ее доме. Я противился как только мог, но госпожа знала мою слабую сторону: она выставила это все как одолжение для нее самой.

После ухода миледи я обратился к тому средству, которое еще никогда не изменяло мне в сомнительных и непредвиденных случаях. Я выкурил трубку и принялся за «Робинзона Крузо». Не прошло и пяти минут с тех пор, как я начал читать эту необыкновенную книгу, а уже наткнулся на успокоительное местечко: «Сегодня мы любим то, что завтра возненавидим». Я тотчас понял, как мне следует поступить. Успокоившись, я заснул в ту памятную ночь как управляющий леди Вериндер, а проснулся как ее дворецкий.

Пенелопа сейчас заглянула мне через плечо, чтобы посмотреть, сколько я написал. Она заметила, что написано превосходно и справедливо во всех отношениях. Но она сделала одно возражение: дочь говорит, что я до сих пор писал совсем не о том, о чем следовало. Меня просили рассказать историю алмаза, а я между тем рассказываю историю о самом себе. Желал бы я знать, неужели господа, которые живут сочинением книг, вплетают самих себя в свои рассказы так, как я? Если да, я сочувствую им. А между тем вот опять не то. Что же теперь делать? А ничего, разве только вам не терять терпения, а мне – начать снова, в третий раз.

III

Вопрос о том, как мне надлежащим образом начать повествование, я пытался решить двумя способами. Во-первых, я почесал в голове, но это ни к чему не привело. Во-вторых, я посоветовался с Пенелопой, и она подала мне прекрасную мысль. Дочка думает, что я должен начать с момента получения известия о том, что к нам прибудет мистер Фрэнклин Блэк. Единственное затруднение состоит в том, чтобы припомнить числа. Пенелопа предложила мне с этим помочь и заглянула в свой дневник, который ее заставляли вести в школе и который она продолжает вести до сих пор.

Согласуясь с планом Пенелопы, я прошу позволения упомянуть о том, что утром в среду 24 мая 1848 года меня позвали в кабинет миледи.

-?Габриэль, – обратилась ко мне госпожа, – есть новости, которые вас удивят. Фрэнклин Блэк вернулся из-за границы. Он гостил у отца в Лондоне, а завтра приедет к нам и останется у нас на месяц.

Я не видел мистера Фрэнклина с тех самых пор, когда он еще мальчиком жил с нами в этом доме. Он был во всех отношениях (как я его помню) самый милый мальчик, какой когда-либо спускал волчок или разбивал окно. Мисс Рэйчел заметила на это, что помнит его как самого лютого тирана, когда-либо мучившего куклу, и самого жестокого кучера, загонявшего девочек до изнеможения своими жесткими вожжами. Вы, конечно, спросите, каким образом мистер Фрэнклин провел годы с того времени, когда был мальчиком, до того времени, когда сделался мужчиной вне своего отечества. Я вам расскажу, потому что его отец имел несчастье быть наследником одного герцогства и не мог этого доказать.

В двух словах, вот каким образом это произошло. Старшая сестра миледи вышла за знаменитого мистера Блэка, прославившегося как своим огромным богатством, так и судебными процессами. Сколько лет надоедал он судам на своей родине, требуя, чтобы герцог был изгнан, а он занял его место, скольких адвокатов он обогатил, сколько других милых людей он заставил поссориться из-за того, прав он или нет, – этого я перечесть не могу. Его жена и двое детей умерли прежде, чем суды решились запереться от него и больше не брать его денег. Когда все было кончено и герцог остался при своем, мистер Блэк придумал способ отомстить отечеству. Он состоял в том, чтобы лишить родину высокой чести воспитывать его сына.

-?Как я могу положиться на отечественные учреждения, – говорил он, – если они так со мной поступили!

Мистера Фрэнклина забрали из Англии и отправили в Германию, в такое учреждение, на которое его отец мог положиться. Наш милый мальчик не забыл нас, когда уехал за границу, и часто писал нам. Состояние его матери (семьсот фунтов в год) досталось ему, когда он стал совершеннолетним, но чем больше у него было денег, тем больше он нуждался в них. В кармане мистера Фрэнклина была дыра, которую ничто не могло зашить. Два раза он решался вернуться в Англию, чтобы повидаться с нами, но его дважды удерживали женщины. Его третья попытка все же удалась, и в четверг 25 мая мы должны были лицезреть уже не милейшего мальчика, а настоящего мужчину двадцати пяти лет от роду.

В тот день стояла прекрасная погода, и миледи с мисс Рэйчел, не ожидая мистера Фрэнклина до обеда, поехали завтракать к каким-то друзьям по соседству. Когда они уехали, я пошел посмотреть спальню, приготовленную для нашего гостя, и, убедившись, что все в порядке, решил посидеть на теплом летнем воздухе. Только я взял стул, как меня остановил звук, похожий на тихий барабанный бой. Обойдя кругом террасу, я увидел перед домом трех краснокожих индейцев с барабанами, в белых полотняных блузах и штанах. Перед ними стоял маленький, худенький белокурый мальчик с мешком, по-видимому англичанин. Я рассудил, что эти люди – странствующие фокусники, а мальчик с мешком носит орудия их ремесла. Один из троих, говоривший по-английски, сообщил мне, что догадка моя справедлива. Он просил позволения показать свои фокусы в присутствии хозяйки дома.

Я старик не угрюмый и вообще люблю удовольствия, но даже самые лучшие из нас имеют свои слабости. Моя состоит в том, что когда корзина с фамильным серебром стоит в кладовой, то я сразу же вспомню о ней при виде странствующего чужеземца, который гораздо ловчее меня. Вот я и сообщил индейцу, что хозяйки нет дома, и, велев ему уйти, вернулся к своему стулу, а устроившись на солнечной стороне двора, снова задремал.

Меня разбудила Пенелопа, прибежавшая ко мне, точно в доме был пожар. Она хотела, чтобы индийские фокусники немедленно вернулись. Дочка уверяла меня в том, будто они знали, кто приедет к нам из Лондона, и намеревались навредить мистеру Блэку. Встрепенувшись, я заставил дочь объясниться. Оказалось, что Пенелопа только что была у дочери нашего привратника и видела индейцев после того, как я их спровадил. Решив, что туземцы дурно обращаются с мальчиком, который был при них, девушки пробрались вдоль внутренней стороны живой изгороди, отделявшей дом от дороги, и стали за ними наблюдать.

Оглядевшись и удостоверившись, что они одни, индейцы повернулись лицом к дому и стали пристально на него смотреть. Затем, что-то быстро пролопотав на своем родном языке, главный индеец, говорившей по-английски, приказал мальчику: «Протяни руку!» Тот отступил на шаг и, покачав головой, сказал, что ему не хочется. Тогда ему пригрозили, что его вновь отправят в Лондон и оставят там, где нашли, – на рынке, в пустой корзине, голодным и брошенным. Когда мальчуган с неохотой все же протянул руку, индеец, вынув из-за пазухи бутылку, налил из нее что-то черное, похожее на чернила, на его ладонь. Дотронувшись до головы мальчика и сделав над ней в воздухе какие-то пассы,

туземец сказал: «Смотри!»

Мальчик стал совершенно неподвижным и стоял как статуя, уставившись на чернила на своей ладони. «Узрей англичанина!» – снова раздалось приказание. Когда мальчик сказал, что видит его, индеец спросил: «Он сегодня приедет по этой дороге?» – «Да», – прозвучало в ответ.

На этом допрос закончился. Вновь сделав какие-то пассы над головой мальчика, индеец дунул ему на лоб, и тот, вздрогнув, очнулся. После этого все они пошли по дороге, ведущей в город, и девушки их больше не видели. Я подумал, что из этого можно заключить следующее: во-первых, что главный фокусник слышал из разговора прислуги у ворот о приезде мистера Фрэнклина и увидел для себя возможность подзаработать. Во-вторых, что этот шарлатан, его товарищи и мальчик собирались околачиваться где-нибудь неподалеку, пока миледи не приедет домой, а потом внезапно появиться и предсказать приезд мистера Фрэнклина якобы с помощью колдовства. В-третьих, что Пенелопа видела всего лишь репетицию их фокусов. В-четвертых, что мне не худо в этот вечер присмотреть за столовым серебром.

Дочка не разделяла моего мнения; по ее словам, все это было очень серьезно. Она припомнила и третий вопрос индийца: «Имеет ли англичанин при себе это?»

–?О, отец! – воскликнула Пенелопа. – Что значит это?

–?Спроси мистера Фрэнклина, душа моя, – ответил я, игриво подмигнув ей.

–?Спросите его сами, – произнесла Пенелопа с обидой в голосе, – и увидите, что он не сочтет вопрос забавным.

Пустив в меня эту стрелу, дочка ушла. Чтобы успокоить Пенелопу, я действительно решил расспросить обо всем мистера Фрэнклина. Позже, к моему величайшему удивлению, он, как и моя дочь, воспринял это известие серьезно, ведь, по его мнению, «это» означало Лунный камень.

Мне, право, жаль удерживать вас при себе и своем соломенном стуле. Сонный старик на залитом солнцем заднем дворе – предмет не особенно интересный, я знаю, но вам придется еще немного побыть со мной в ожидании приезда мистера Фрэнклина Блэка. Прежде чем я снова успел задремать, меня разбудило звяканье посуды в людской, означавшее, что обед готов. Так как я обедаю в своей комнате, то мне не было до этого никакого дела. Только я устроился поудобнее, как прибежала другая женщина. На сей раз это была Нанси – судомойка.

–?Почему вы не на обеде? – спросил я. – Что случилось?

–?Розанна опять опоздала, – ответила она, – и меня послали за ней!

Розанна была нашей второй служанкой. Догадавшись по выражению лица Нанси о том, что она будет бранить подругу, я решил сам ее позвать, так как все равно сидел без дела. Выяснив, что Розанна на песках, я отправил Нанси, наделенную прекрасным аппетитом, обедать, что, несомненно, обрадовало ее.

Дом наш стоит высоко на йоркширском берегу, возле самого моря, и поблизости есть множество прекрасных мест для прогулок, кроме одного – уединенной и безобразной бухты. Песчаные холмы спускаются там к морю и кончаются двумя скалами, одна из которых называется Северным, а другая – Южным утесом. Между ними лежат полные опасности пески. Во время отлива что-то происходит в неизведанной глубине, заставляя всю их поверхность дрожать самым странным образом, что, видимо, и заставило местных жителей дать им название зыбучих. Летом и зимой, когда прилив задевает пески, море, словно оставляя волны на насыпи, катит их, бесшумно вздымаясь. Уединенное и страшное место, уверяю вас. Ни одна лодка не осмеливается входить в эту бухту. Дети из нашей рыбацкой деревни Коббс-Голь, никогда не ходят сюда играть. Даже птицы, как мне кажется, облетают стороной зыбучие пески. Тем не менее это было любимое местечко Розанны Спирман. Туда-то я и направился, чтобы позвать девушку обедать.

Когда я вышел по песчаным холмам к берегу, то увидел ее в маленькой соломенной шляпке и простом сером манто, которое она всегда носит, чтобы скрыть свое уродство (одно плечо у нее выше другого). Она сидела одна и смотрела на море и на пески. Заметив меня, Розанна вздрогнула от неожиданности.

-?Вы опоздали к обеду, Розанна, и я пришел за вами, – обратился я к ней.

-?Вы очень добры, мистер Беттередж, но я не хочу сегодня обедать, позвольте мне подольше посидеть здесь.

-?Почему вы любите бывать здесь? – спросил я. – Что заставляет вас постоянно приходить в это печальное место?

-?Меня тянет сюда, – ответила девушка, выводя пальцем фигуры на песке, – Я стараюсь не приходить сюда, но не могу. Иногда, – прибавила она тихим голосом, как бы пугаясь своей собственной фантазии, – мистер Беттередж, мне кажется, что могила ждет меня здесь.

-?Вас ждет жареная баранина и пудинг с салом! – воскликнул я. – Ступайте обедать сейчас же!

Я говорил строго, негодую на то, что двадцатипятилетняя женщина говорит о смерти, но она как будто не слышала моих слов.

-?Посмотрите! – продолжала она. – Вам не страшно? Я видела это раз двадцать, но зрелище завораживает меня снова и снова.

Я взглянул туда, куда она указывала. Начался отлив, и страшный песок зашевелился. Его широкая коричневая поверхность медленно поднялась, а потом вся задрожала.

-?Знаете, что мне это напоминает? – спросила Розанна, схватив меня за плечо. – Будто сотня людей задыхается под этим песком – все силится выбраться из него, но опускаются все глубже и глубже.

Что за сумасбродные речи! Ответ – довольно резкий, но только для пользы бедной девушки, уверяю вас, – уже вертелся у меня на языке, когда меня вдруг кто-то окликнул.

-?Беттередж! Где вы?

-?Здесь! – отозвался я, не понимая, кто бы это мог быть.

Розанна вскочила и посмотрела в ту сторону, откуда доносился голос. В следующий миг лицо ее покрылось таким прекрасным румянцем, какого я никогда не замечал у нее прежде. Обернувшись, я увидел молодого человека, который направлялся к нам от холмов. Глаза его блестели, он был в добротном сером костюме, в таких же перчатках и шляпе, с розаном в петлице и с такой улыбкой на лице, которая могла заставить улыбнуться в ответ даже зыбучие пески. Юноша прыгнул на песок, схватил меня за шею, по иностранному обычаю, и так крепко обнял, что я чуть не испустил дух.

Господи, спаси нас и помилуй! Это был приехавший на четыре часа раньше мистер Фрэнклин Блэк! Прежде чем я успел сказать хоть слово, я заметил, что мистер Фрэнклин с удивлением посмотрел на Розанну. Зардевшись еще сильнее, она вдруг отвернулась от нас и ушла в замешательстве, совершенно для меня непонятном, не поклонившись молодому джентльмену и не сказав мне ни слова.

Ни мистеру Фрэнклину с его удивительным заграничным воспитанием, ни мне с моей опытностью и природным умом не пришло в голову, что означало смущение Розанны Спирман. Но мы позабыли о ней прежде, чем за унылыми холмами скрылось ее серое манто. «Что ж с того?» – спросите вы. Читайте терпеливо, добрый друг, и, может быть, вы пожалеете Розанну Спирман так же, как пожалел ее я, когда узнал всю правду.

V

– Добро пожаловать домой, мистер Фрэнклин! Вы приехали несколькими часами ранее, чем мы вас ожидали, – радостно воскликнул я, когда мы остались одни, и попытался подняться с песка, но мистер Фрэнклин остановил меня.

–?У этого странного места есть одно преимущество, – заметил он, – мы здесь одни. Не вставайте, Беттередж, я должен сказать вам кое-что. У меня были серьезные основания на то, чтобы приехать раньше. Я подозреваю, что за мной в Лондоне следили три или четыре дня, поэтому я и приехал с утренним, а не с вечерним поездом. Мне хотелось ускользнуть от одного иностранца весьма мрачной наружности.

Эти слова чрезвычайно удивили меня, и в голове, как молния, промелькнула мысль о трех фокусниках.

-?Кто следил за вами, сэра, и зачем? – спросил я.

-?Расскажите мне о трех индийцах, что были у вас сегодня, – сказал мистер Фрэнклин, не обращая внимания на мой вопрос. – Может быть, Беттередж, у моего иностранца и этих фокусников найдется что-то общее.

-?Но как вы узнали о них, сэра? – изумился я, отвечая вопросом на вопрос.

-?Пенелопа сообщила мне, – ответил мистер Фрэнклин. – Так что говорили эти фокусники?

Делать было нечего, пришлось выложить все начистоту.

-?«Он сегодня приедет по этой дороге?», «Имеет ли англичанин при себе это?» – задумчиво повторил мистер Фрэнклин и помрачнел. – Я полагаю, – продолжал он, вынимая из кармана маленький запечатанный пакет, – что за «этим» кроется вот что: знаменитый алмаз моего дяди Гернкастля.

-?Великий боже! – вскрикнул я. – Как это к вам попал алмаз нечестивого полковника?

-?Нечестивый полковник завещал его в подарок на день рождения моей кузине Рэйчел, – пояснил мистер Фрэнклин, – а мой отец как душеприказчик нечестивого полковника поручил мне привезти его сюда.

-?Полковник завещал алмаз мисс Рэйчел? – удивился я. – А ваш отец – душеприказчик полковника? Ну дела! Готов биться об заклад с кем угодно, что ваш отец не захотел бы дотронуться до полковника даже щипцами!

-?Сильные выражения, Беттередж. Этот человек принадлежал к вашему времени, не к моему. Расскажите мне о нем, что знаете, и я открою вам, как мой отец стал душеприказчиком, и еще кое что.

Видя, что он говорит серьезно, я поведал ему все. Сущность своего повествования – единственно для вас – я привожу ниже. Будьте внимательны, а то вы совсем собьетесь с толку, когда мы зайдем подальше в этой истории.

Я начал с отца миледи – старого лорда с крутым нравом и длинным языком. У него было всего-навсего пять человек детей: два сына и три девицы, появившиеся на свет одна за другой так скоро, как только позволяла природа; моя госпожа, как я уже говорил, была самой младшей и самой лучшей из трех. Старший сын наследовал титул и имение отца, младший – высокородный Джон – получил прекрасное состояние, оставленное ему одним родственником, и определился на военную службу.

Дурна та птица, которая пачкает собственное гнездо. Я считаю благородное семейство Гернкастлей своим гнездом и буду рад, если мне позволят не вдаваться в подробности о высокородном Джоне, так как, по мне, это один из величайших негодяев, когда-либо живших на этом свете. Он начал службу с гвардейского полка, но слишком большая строгость армии оказалась не по душе высокородному Джону. Тогда он отправился в Индию, чтобы посмотреть, как обстоят дела там, и попытать счастья на настоящей службе. Он участвовал во взятии Серингапатама, а вскоре после этого перешел в другой полк, а затем и в третий. Там его произвели в полковники, и, получив однажды солнечный удар, он вернулся в Англию.

Джон приехал с такой репутацией, что для него закрылись все двери. Миледи (только что вышедшая замуж) первая объявила (с согласия сэра Джона), что ее брат никогда не войдет к ней в дом. Много пятен на репутации полковника заставляло окружающих избегать его, но мне здесь нужно упомянуть только об одном пятне, навлеченном на него алмазом.

Ходили слухи, что Джон завладел этой индийской драгоценностью таким способом, о котором нельзя было говорить вслух. Не нуждаясь в деньгах, он никогда не пытался продать алмаз. Полковник никому его не дарил и не показывал его ни одной живой душе. Одни думали, будто он опасался, что это навлечет на него неприятности со стороны начальства; другие (не знавшие

натуру этого человека) говорили, будто он боится, что если покажет алмаз, то это будет стоить ему жизни. В этих последних сплетнях, возможно, была доля правды: в Индии его жизни дважды угрожала серьезная опасность. Никто не сомневался, что Лунный камень являлся тому причиной. Когда полковник вернулся в Англию и понял, что его обходят стороной, все опять же приписали это Лунному камню.

Другие в таких затруднительных обстоятельствах постарались бы оправдаться перед светом. Но уступать было не в привычках высокородного Джона. Он держал при себе алмаз в Индии, желая тем самым показать, что он не боится быть убитым. Он оставил при себе алмаз и в Англии, желая показать, что презирает общественное мнение. Время от времени до нас доходили о нем самые разные слухи. Одни говорили, будто он стал курить опиум и собирать старинные книги; другие – что он занят какими-то странными химическими опытами; третьи – будто он пьянствует и веселится с самыми низкими людьми в лондонских трущобах. Как бы то ни было, полковник вел уединенную, порочную, таинственную жизнь.

За два года до того времени, которое я теперь описываю, и года за полтора до своей смерти полковник неожиданно приехал в дом миледи в Лондоне. Это было двадцать первого июня в день рождения мисс Рэйчел. По случаю торжества собрались гости. Вдруг лакей пришел доложить мне, что какой-то господин желает меня видеть. В передней я нашел полковника, похудевшего, состарившегося и изнуренного, но по-прежнему дерзкого и злого.

–?Ступайте к моей сестре, – приказал он, – и доложите, что я приехал пожелать моей племяннице много раз счастливо встречать этот день.

Гернкастль уже несколько раз пытался письменно примириться с миледи, но только для того, чтобы лишней раз досадить ей, однако к нам в дом он приехал впервые. Я хотел было сказать ему, что у миледи гости, но дьявольское выражение его лица испугало меня. Я пошел наверх с его поручением и, по его собственному желанию, оставил его ждать в передней.

–?Скажите полковнику Гернкастлю, – произнесла миледи, когда я передал ей поручение брата, – что мисс Вериндер занята, а я не хочу его видеть.

Я попытался уговорить миледи дать ответ повежливее, зная, что полковник не обладает сдержанностью джентльмена, но все тщетно!

-?Когда понадобится ваш совет, – одернула меня госпожа, – я попрошу его у вас. Теперь же в этом нет надобности.

Миледи также обладает, самую малость, не более, семейной горячностью.

Я пошел вниз с этим поручением, но взял на себя смелость передать его в новом, исправленном виде.

-?Миледи и мисс Рэйчел сожалеют, что они заняты, полковник, – сказал я, – и просят извинить, что они не будут иметь чести видеть вас.

Я ожидал, что он вспылит, но, к моему удивлению, Гернкастль принял это с неестественным спокойствием. Глаза его, серые и блестящие, устремились на меня; он засмеялся, не громко, как все, а про себя – тихо, страшно и зло.

-?Благодарю вас, Беттередж, – проговорил он, – я буду помнить день рождения моей племянницы.

С этими словами он повернулся и вышел из дома.

Наступил следующий день рождения, и мы узнали, что полковник болен и лежит в постели. Полгода спустя, то есть за полгода до того времени, о котором я теперь пишу, миледи получила письмо от одного весьма уважаемого пастора. Оно сообщало два удивительных известия: во-первых, что полковник простил на смертном одре свою сестру, а во-вторых, что он простил и всех остальных и имел весьма назидательную кончину. Я искренне уважаю церковь, но я убежден, что высокородный Джон находился во власти дьявола и что последний гадкий поступок в жизни этого гнусного человека состоял в том (с позволения вашего сказать), что он обманул священника.

Вот то, о чем я поведал долгожданному гостю. Я заметил, что рассказ о том, как миледи не приняла полковника в день рождения Рэйчел, поразил мистера Фрэнклина, словно выстрел, попавший в цель.

-?Благодарю вас, Беттередж, – произнес он. – Теперь моя очередь. Но, прежде чем я расскажу вам о своих открытиях, которые я сделал в Лондоне, я поделюсь с вами тремя волнующими меня вопросами. Итак, слушайте меня внимательно, Беттередж, и загибайте пальцы, если вам это поможет. Вопрос первый: был ли алмаз полковника проклят в Индии? Вопрос второй: последовало ли проклятие за алмазом полковника в Англию? Вопрос третий: знал ли полковник о том, что проклятие последовало за алмазом, и не со злым ли умыслом он оставил его в наследство Рэйчел?

С этими словами в наш спокойный английский дом вдруг ворвался дьявольский индийский алмаз, а за ним заговор живых мошенников, навлеченных на нас мщением мертвеца. Видано ли такое в девятнадцатом столетии, заметьте, в век прогресса, в стране, наслаждающейся благами британской конституции? Я заерзал на песке. Мистер Фрэнклин, заметив, как я борюсь не то со встревоженным желудком, не то с духом – для меня, как видите, это одно и то же – резко спросил:

-?Да что с вами такое?

Что со мной такое? Ему я не сказал, но вам по секрету признаюсь: мне хотелось закурить трубку и почитать «Робинзона Крузо».

VI

Справившись с собой, я попросил мистера Фрэнклина продолжать.

-?Вы помните ту пору, Беттередж, – спросил молодой джентльмен, – когда мой отец пытался доказать свои права на несчастное герцогство? В то самое время и вернулся дядя Гернкастль. Отец мой узнал, что у него есть какие-то бумаги, которые могли оказаться полезными для его процесса, и поехал к полковнику под тем предлогом, чтобы поздравить его с приездом в Англию. Но Гернкастля не удалось провести таким образом.

«Вам что-то от меня нужно, – сказал он, – иначе вы не скомпрометировали бы себя, приехав ко мне».

Отец понял, что ему больше ничего не остается, как откровенно обо всем рассказать, и он тотчас сообразил, что ему нужны бумаги. Полковник попросил день на размышление. Ответ его пришел в виде чрезвычайно странного письма, которое мне показал мой приятель адвокат. Гернкастль хотел услугу за услугу. Случайности войны, как он выражался, подарили ему один из самых больших алмазов на свете, и он имел повод думать, что ни он, ни его драгоценный камень не были в безопасности ни в одном доме, ни в одной части света, если он оставит этот камень при себе. При таких обстоятельствах он решился отдать алмаз на хранение другому человеку. Тот, в свою очередь, не подвергался никакому риску и мог отдать драгоценный камень на хранение кому угодно, например банкиру или ювелиру. Каждый год этот человек обязуется получать – или сам, или через надежного поверенного – на заранее оговоренный адрес, в заранее установленные дни письмо от полковника с простым известием, что он жив. Отсутствие письма в назначенный день – верный признак того, что он убит. В таком случае инструкции относительно того, как распорядиться алмазом, хранящиеся вместе с камнем в запечатанном виде, должны быть вскрыты и точно исполнены. Если отец соглашался принять это странное поручение, то бумаги полковника переходили в его распоряжение.

-?Что же сделал ваш отец, сэр? – спросил я.

-?Он объявил все это совершенной нелепостью. В своих странствиях по Индии полковник подцепил дрянное стеклышко, которое он принял за алмаз. Известно, что Гернкастль много лет употреблял опиум, и если единственный способ достать драгоценные бумаги состоял в том, чтобы принять наркотический бред за факт, то отец был вполне готов взять на себя эту смешную ответственность тем охотнее, что она не стоила никаких хлопот. Алмаз вместе с запечатанными инструкциями передали в кладовую банкира, а письма полковника, периодически сообщавшие, что он жив, получал и распечатывал адвокат, выступавший в роли поверенного.

Так мой отец получил нужные бумаги и с той поры больше не видел своего шурина. Раз в год от него приходили короткие письма следующего содержания: «Сэр, удостоверяю вас, что я еще жив. Пусть алмаз остается на своем месте. Джон Гернкастль». Но шесть или восемь месяцев тому назад форма письма изменилась: «Сэр, говорят, что я умираю. Приезжайте ко мне и помогите мне написать завещание».

Адвокат разыскал полковника на маленькой вилле, где он жил один с тех пор, как оставил Индию. Его последняя воля была очень простой и уместилась в трех пунктах завещания. Он обеспечивал содержание и уход за своими животными, основывал кафедру экспериментальной химии в одном из северных университетов и дарил Лунный камень на день рождения своей племяннице, назначив моего отца душеприказчиком.

Формальности требовали, чтобы алмаз был оценен, и все ювелиры тотчас подтвердили мнение полковника о том, что он обладает самым большим алмазом на свете. Огромная величина камня делала его феноменом, несмотря на один недостаток в виде пятна в середине. Даже при этом самая низкая оценка составляла двадцать тысяч фунтов. Представьте себе, каково было удивление моего отца! Он чуть не отказался от обязанностей душеприказчика, чуть не упустил великолепную драгоценность! Интерес, пробудившийся к этому делу, заставил его вскрыть запечатанные инструкции, хранившиеся вместе с алмазом. Адвокат показал мне этот документ вместе с другими бумагами. Они ясно указывали на то, что жизни полковника угрожал заговор.

-?Стало быть, вы полагаете, сэр, – полюбопытствовал я, – что заговор существовал?

-?Я думаю, что полковник находился в безопасности. Запечатанная инструкция объясняет, почему он все-таки спокойно умер в своей постели. В том случае, если бы он умер насильственной смертью (если бы письмо от него не было получено в назначенный день), отец мой должен был тайно отправить Лунный камень в Амстердам. Там его следовало отдать знаменитому резчику и разбить его на четыре или шесть отдельных камней, камни эти продать, а вырученные деньги употребить на основание кафедры экспериментальной химии, о которой потом полковник упоминал в своем завещании. Заметьте, что ценность бриллианта ставилась в зависимость от сохранения жизни полковнику. Он как бы говорил своим врагам: «Убьете меня – и алмаз перестанет быть алмазом: его тождество уничтожится».

-?Выходит, – смекнул я, – что тогда бы цена камня значительно снизилась, и злодеи остались бы в дураках.

-?Ничуть! – возразил мистер Фрэнклин. – Я справлялся об этом: алмаз с пятном, разбитый на отдельные камни, будет стоить еще дороже. Если бы только воровство с целью наживы было целью заговора, то инструкции полковника

лишь облегчали бы задачу преступникам. За него удалось бы выручить гораздо больше денег, и продать его было бы проще, если бы он вышел из рук амстердамских мастеров.

-?Господи помилуй! – воскликнул я. – Так в чем же состоял заговор?

-?Его придумали индийцы, которым прежде принадлежал этот алмаз, – сказал мистер Фрэнклин. – Заговор основывался на каком-то древнем суеверии, что подтверждает один документ, находящийся сейчас при мне.

Только теперь я понял, почему появление трех индийских фокусников у нашего дома показалось мистеру Фрэнклину обстоятельством, достойным внимания.

-?Когда я узнал историю Лунного камня, то мне расхотелось привозить его сюда, – продолжал молодой джентльмен, – но мой друг адвокат напомнил мне, что кто-нибудь должен же передать моей кузине подарок дяди и что я могу сделать это точно так же, как и любой другой. Когда я забрал алмаз из банка, мне показалось, что за мной следит какой-то оборванец. Я отправился к отцу за своими вещами и нашел там письмо, неожиданно задержавшее меня в Лондоне. Возвращаясь с алмазом в банк, я опять видел этого человека. Я заметил его и в третий раз – сегодня утром, когда вновь забирал камень, но я ловко ускользнул от него и уехал на утреннем поезде, а не на вечернем, как планировал. Вот я здесь, алмаз в целости и сохранности, но какое же первое известие я получаю? Мне сообщают, что здесь были три странствующих индийца, разыскивающих то, что я привез с собой. Вопрос, который мы должны решить, состоит в том, не приписываю ли я чрезмерного значения простой случайности или мы действительно имеем доказательство того, что индийцы напали на след Лунного камня с той самой минуты, как я забрал его из банка?

Не сговариваясь, мы посмотрели на прилив, покрывший зыбучие пески.

-?О чем вы думаете? – вдруг спросил меня мистер Фрэнклин.

-?О том, сэр, – ответил я, – что мне хотелось бы зарыть этот алмаз в зыбучий песок и позабыть о нем.

Мистер Фрэнклин вынул из кармана конверт и, вскрыв его, подал мне.

-?Беттередж, – начал он, – в интересах тетушки мы должны обсудить с вами, что подтолкнуло полковника к тому, чтобы оставить Лунный камень в наследство племяннице. Вспомните, как леди Вериндер обращалась со своим братом с тех пор, как он вернулся в Англию, и прочтите это.

Мистер Фрэнклин дал мне выписку из духовной полковника. Вот о чем там шла речь:

«В-третьих, и в-последних, я завещаю принадлежащий мне желтый алмаз, известный на Востоке как Лунный камень, своей племяннице Рэйчел Вериндер при одном условии: ее мать, Джулия Вериндер, должна быть жива. Я поручаю своему душеприказчику передать алмаз моей племяннице Рэйчел в первый день ее рождения после моей кончины и в присутствии, если возможно, моей сестры Джулии Вериндер, собственноручно или через какого-нибудь надежного представителя. Я желаю, чтобы до моей сестры посредством верной копии был доведен третий, и последний, пункт моего завещания. Пусть Джулия знает, что этим даром я даю понять, что прощаю несправедливое отношение ко мне, а также оскорбление, нанесенное мне как офицеру и джентльмену, когда ее слуга, по ее приказанию, не пустил меня в дом в день рождения ее дочери».

Там содержалось и много других распоряжений на тот случай, если миледи или мисс Рэйчел не будет в живых, когда скончается завещатель. При таких обстоятельствах алмаз следовало отослать в Голландию и выполнить первоначальные инструкции. Деньги, вырученные от продажи камней, предназначались для химической кафедры одного из северных университетов.

Я вернул бумагу мистеру Фрэнклину.

-?Ну, – спросил молодой джентльмен, – что вы теперь скажете? Доставляя Лунный камень к тетушке в дом, я слепо служу мщению Гернкастля или оправдываю его как раскаявшегося христианина?

-?Не знаю, что и думать, сэр, – честно признался я.

Мистер Фрэнклин комкал в руках выписку из завещания, словно надеясь таким образом выжать из нее истину.

-?Что ж, давайте поразмышляем, – предложил мистер Фрэнклин. – Почему дядя завещал алмаз именно Рэйчел, а не тетушке?

-?Об этом-то как раз не трудно догадаться, сэр, – высказался я. – Полковник Гернкастл прекрасно знал, что миледи не захочет принять от него никакого наследства.

-?Но откуда ему было знать, что Рэйчел не откажется?

-?Есть ли на свете хоть одна девушка, сэр, которая могла бы устоять перед искушением принять такой подарок, как Лунный камень?

-?Это субъективный взгляд, – заметил мистер Фрэнклин. – Как же в таком случае объяснить, что он дарил Рэйчел алмаз именно в день ее рождения и только с тем условием, чтобы ее мать была жива?

-?Я не желаю порочить имя покойного, сэр, – ответил я, – но если он решил досадить сестре, то лучшего средства, чем доставить хлопот ее дочери, и не придумаешь. Конечно, миледи должна быть жива, чтобы почувствовать всю неприятность этого.

-?Это опять слишком субъективное истолкование!

-?А что же вы думаете, позвольте узнать?

-?Мне кажется, – произнес мистер Фрэнклин, – что цель полковника заключалась не в том, чтобы сделать что-то полезное для племянницы, которую он даже никогда не видел, но чтобы доказать сестре, что он простил ее, и доказать очень любезно – посредством подарка, сделанного ее дочери.

Доведя дело до этого приятного и успокоительного исхода, мистер Фрэнклин, по-видимому, решил, что исполнил все, что от него требовалось. Он лег на спину на песке и продолжал:

-?Я не желаю пугать тетушку без причины, но не желаю также оставлять все без внимания. Если бы вы были на моем месте, Беттередж, как бы вы поступили?

-?Подождал бы, – коротко ответил я. – Сегодня двадцать пятое мая, а день рождения – двадцать первого июня. Впереди еще четыре недели. Подождем и посмотрим, что случится за это время, а если в этом будет необходимость, то предостережем миледи.

-?Прекрасно, Беттередж, – сказал мистер Фрэнклин. – Но что же нам делать с алмазом до дня рождения?

-?То же, что и ваш отец, сэр, – предложил я. – Он отдал его в лондонский банк, а вы положите его в банк во Фризинголле – это ближайший к нам город, и банк его так же надежен, как лондонский. Будь я на вашем месте, – прибавил я, – я прямо сейчас бы отправился туда, пока дамы не вернулись.

Возможность сделать что-нибудь заставила мистера Фрэнклина мигом подняться на ноги. Он вскочил и бесцеремонно заставил встать и меня.

-?Беттередж, вы золото, а не человек! – воскликнул он. – Пойдемте со мной, вы распорядитесь оседлать самую лучшую лошадь в конюшне.

Мы поспешили домой, и вскоре мистер Фрэнклин умчался во Фризинголл – отдать проклятый алмаз.

VII

День прошел, и миледи с мисс Рэйчел вернулись домой. Не стоит и говорить, что они сильно удивились, когда услышали, что мистер Фрэнклин Блэк, не успев приехать, уже снова куда-то ускакал верхом. Объяснив такое поведение молодого джентльмена его причудами, я пошел к себе в комнату, где меня уже ждала Пенелопа. Она желала узнать, что же случилось с Розанной.

Оставив нас с мистером Фрэнклином на зыбучих песках, Розанна, как оказалось, вернулась домой весьма печальной. Но, встретив Пенелопу, девушка задала ей сотню вопросов о мистере Фрэнклине Блэке и ужасно рассердилась, когда моя дочка предположила, что посторонний джентльмен сильно заинтересовал ее. Другие слуги заметили, как она, улыбаясь, чертила имя мистера Фрэнклина

внутри своего рабочего ящика. Потом видели, как она плакала и смотрела в зеркало на свое уродливое плечо. Знала ли она прежде мистера Фрэнклина? Совершенно невозможно! Я мог засвидетельствовать, что удивление мистера Фрэнклина было искренне, когда он увидел, как девушка смотрит на него, да и Пенелопа могла подтвердить, что любопытство горничной было неподдельным, когда она расспрашивала ее.

-?Отец, - сказала Пенелопа совершенно серьезно, - этому есть только одно объяснение: Розанна влюбилась в мистера Фрэнклина с первого взгляда.

Горничная, которую взяли из исправительного дома, дурнушка с уродливым плечом, влюбилась в джентльмена, приехавшего в гости к ее госпоже, - такой нелепости, пожалуй, даже в романе не встретишь! Я хохотал до слез. Пенелопу это очень рассердило.

-?Я не думала, что вы так жестоки, отец, - колко заметила она и ушла.

Слова дочери обдали меня, словно холодной водой, и мне стало стыдно. Но вот настал вечер, и раздался звонок, возвещавший о том, что пора одеваться к ужину. Мистер Фрэнклин уже вернулся из Фризинголла, и, желая узнать о подробностях его путешествия, я сам отнес ему горячую воду. К моему великому разочарованию (а вероятно, и к вашему), ничего особенного не произошло: он не встретил индийцев ни на пути в город, ни на обратном пути. Мистер Фрэнклин отдал Лунный камень в банк, заметив служащим, что камень очень дорогой, и получил расписку. Как произошло свидание мистера Фрэнклина с его тетушкой и кузиной, мне, к сожалению, не известно.

Я дал бы многое, чтобы прислуживать за столом в тот день. Но при моем положении это было совершенно невозможно, потому что я потерял бы достоинство в глазах других слуг. Поздним вечером, когда ужин уже закончился, я отнес мистеру Фрэнклину в курительную водку с содовой и не мог не заметить, что мисс Рэйчел вытеснила мысли об алмазе из его головы.

-?Самая очаровательная девушка, которую я когда-либо видел! - не переставал восклицать молодой джентльмен, и все мои попытки перевести разговор на более серьезные темы не увенчались успехом.

Около полуночи я вместе со своим помощником лакеем Самюэлем, по обыкновению, обошел дом, чтобы запереть все двери, а потом вышел подышать свежим воздухом перед сном. Ночь выдалась ясная, тихая и душная. Стояла такая тишина, что до меня доносился шум прибоя. Вдруг на песчаной дорожке, залитой ярким лунным светом, я увидел чью-то тень. Прежде чем прокрасться за угол террасы, я услышал топот быстрых ног – и, как мне показалось, не одной пары. Когда я дошел до угла, беглецы скрылись в кустарнике по другую сторону дорожки. Оттуда, легко перемахнув через забор, они могли выбраться на дорогу. Будь я сорока годами моложе, я, может быть, успел бы поймать их прежде, чем они убегут из нашего парка. Теперь же мне пришлось обратиться за помощью.

Никого не потревожив, мы с Самюэлем взяли ружья и обошли вокруг дома. Удостоверившись, что в наших владениях никого нет, мы вернулись обратно по песчаной дорожке. И вдруг как раз в том месте, где была тень, я заметил какой-то светлый предмет. Это оказалась склянка с ароматной густой жидкостью, черной, как деготь. Я ничего не сказал Самюэлю, но припомнив слова Пенелопы о фокусниках и о том, как они наливали чернила на ладонь мальчика, я тотчас догадался, что помешал трем индийцам, околавивавшимся у нашего дома в ту ночь, и их языческим способам разузнать что-нибудь об алмазе.

VIII

Следующим утром (двадцать шестого числа) я показал мистеру Фрэнклину эту колдовскую штуку и рассказал ему обо всем. Он думал, что индийцы не только следили за алмазом, но также имели глупость верить в свое колдовство (под ним он подразумевал пассы над головой мальчика, наливание чернил на его ладонь и надежду на то, что он увидит людей и предметы, недоступные человеческому зрению).

–?Поверьте, – говорил мне мистер Фрэнклин, – индийцы убеждены, что мы оставим алмаз здесь, а ясновидящего мальчика они привезли для того, чтобы он показал им, как до него добраться.

–?Как вы думаете, сэръ, они предпримут новую попытку? – спросил я.

–?Все зависит от способностей мальчика, – сказал мистер Фрэнклин. – Если он может увидеть алмаз в железном сундуке фризинголлского банка, то индийцы не будут тревожить нас своими посещениями до поры до времени. Если же нет, то у нас еще появится возможность поймать их в кустарнике.

Я ждал этого случая, но он, как ни странно, так и не представился. С двадцать девятого числа мисс Рэйчел и мистер Фрэнклин придумали новый способ проводить время, которое им совершенно некуда было девать. В жизни господ вообще присутствует такой подводный камень, как праздность, и зачастую они вынуждены искать себе хоть какое-нибудь занятие. Мистер Фрэнклин, этот универсальный гений, дошел в своих поисках до того, что изобрел новый состав для разведения краски, который мисс Рэйчел, нарядившись в передник и косыночку, опробовала на двери своей гостиной. Вскоре, не без помощи мистера Фрэнклина, на двери появились грифы, цветы, купидоны и тому подобные рисунки.

Следующим днем, о котором стоит упомянуть, было воскресенье, четвертое июня. В этот вечер мы в людской первый раз обсудили один домашний вопрос. Замечая, какое удовольствие мистер Фрэнклин и мисс Рэйчел находили в обществе друг друга, мы весьма естественно предполагали, что скоро дойдет до свадьбы, однако на деле все оказалось совсем не просто. Чувства мистера Фрэнклина были очевидны – главное затруднение состояло в том, чтобы понять мисс Рэйчел.

Двадцать первого июня наступал ее восемнадцатый день рождения. Если вам нравятся брюнетки, то я ручаюсь, что вы никогда не встречали такой хорошенькой девушки, как мисс Рэйчел. Она была невысокого роста, но бесподобно сложена. Никогда и ни у кого не видел я таких черных, как смоль, волос и глаз, под стать волосам. Ее губы и подбородок, говоря словами мистера Фрэнклина, – «лакомые кусочки, достойные богов». Присовокупите ко всему сказанному, что она всегда держалась надменно, повелительно, аристократично, обладала чистым голосом, звучным, как металл, и улыбкой, очень мило зарождавшейся в глазах, прежде чем появиться на губах, – и вот вам ее портрет.

«А каков был ее характер?» – спросите вы. Говоря серьезно, мисс Рэйчел, обладая бездной прелестей, имела один недостаток. Она судила так, как редкие женщины вдвое старше ее, никогда не спрашивала совета, никогда заранее не говорила о своих намерениях и не поверяла никому секретов, даже матери.

Одним словом, мисс Рэйчел всегда поступала по-своему. От миледи мне не раз доводилось слышать такие слова:

-?Лучший друг и злейший враг Рэйчел – она сама.

При всей ее скрытности и своеволии в ней не было ни тени фальши. Я не помню, чтобы она когда-нибудь сказала «нет», имея в мыслях «да». Теперь, когда я познакомил вас с мисс Рэйчел поближе, мы можем заняться ее видами на супружество. Двенадцатого июня моя госпожа послала одному джентльмену в Лондон приглашение на день рождения дочери. Этому-то счастливцу, как я полагал, и было отдано ее сердце. Как мистер Фрэнклин, он приходился ей кузеном. Звали его мистер Годфри Эбьюайт.

При всем своем блестящем уме и вообще хороших качествах мистер Фрэнклин, по моему мнению, не мог затмить мистера Годфри, хотя бы потому, что тот был гораздо выше. К тому же мистер Эбьюайт был адвокатом, дамским угодником по темпераменту и добрым самаритянином по собственному выбору. Женские благотворительные общества никак не могли без него обойтись. Стоит только собраться какому-нибудь дамскому комитету, как мистер Годфри со шляпой в руке сдерживает горячность выступающих и ведет милых дам по тернистому деловому пути. В умении выжать слезы и деньги на митингах, посвященных благотворительности, ему не было равных. Но, несмотря на все это, в душе он был кротким, простым и невзыскательным человеком. Он любил всех. И все любили его. Разве были у мистера Фрэнклина, наделенного рядовыми способностями, шансы против такого человека?

Четырнадцатого числа от мистера Годфри пришел ответ. Молодой человек принимал приглашение моей госпожи от среды (дня рождения) до вечера пятницы, когда обязанности по обществу дамской благотворительности заставят его вернуться в город. Он приложил к письму стихи, приуроченные к тому, что он изящно называл «днем рождества» своей кухни. Я должен признать, что мистер Фрэнклин не оставлял попыток заслужить благосклонность мисс Рэйчел, но то, что произошло шестнадцатого июня, кажется, совсем лишило молодого джентльмена шансов на успех.

В тот день к мистеру Фрэнклину по какому-то делу (не касавшемуся алмаза) приезжал один незнакомый господин. Так вот вечером, когда посетитель уже покинул наш дом, мисс Рэйчел сделала строгие замечания мистеру Фрэнклину относительно тех людей, среди которых он жил, и правил, которые он принял за

границей. Я подозреваю, что какой-нибудь неосторожный поступок молодого джентльмена на континенте, связанный с женщиной или долгом, преследовал его и в Англии. Но все это только догадки.

Семнадцатого числа тучи, видимо, опять рассеялись, и мистер Фрэнклин воспользовался примирением, чтобы сделать предложение мисс Рэйчел, но не получил ни согласия, ни отказа. Девятнадцатого числа случилось новое происшествие: к нам приезжал доктор, чтобы прописать лекарство нашей служанке, Розанне Спирман. Эта бедная девушка не раз приводила меня в недоумение в тот промежуток времени, о котором я пишу. Например, она постоянно попадалась на глаза мистеру Фрэнклину, но он обращал на нее не больше внимания, чем на кошку. И без того небольшой аппетит нашей горничной совсем пропал, а глаза выказывали явные признаки бессонницы и слез. Однажды Пенелопа сделала неловкое открытие: она застала Розанну рядом с туалетным столиком мистера Фрэнклина. Горничная украдкой вынула розу, которую мисс Рэйчел дала ему носить в петлице, и на ее место воткнула точно такую же, сорванную ею. После этого она дважды дерзила мне, когда я доброжелательно намекнул ей, что нужно быть осторожнее. Но еще хуже было то, что она не слишком почтительно вела себя с мисс Рэйчел, когда та о чем-то заговаривала с ней.

Миледи заметила эту перемену и спросила мое мнение. Я попытался защитить девушку, сказав, что, она не совсем здорова. Послали за доктором (как упоминалось выше, девятнадцатого числа), и он объявил, что у Розанны расстроены нервы. Миледи хотела отправить ее подлечиться на одну из наших отдаленных ферм, но девушка умоляла позволить ей остаться. В тот недобрый час я и посоветовал миледи дать Розанне еще некоторое время. Как показали дальнейшие события, ничего хуже я сделать не мог.

Двадцатого числа от мистера Годфри пришла записка. Он сообщал, что остается ночевать во Фризинголле, так как возникла надобность посоветоваться с отцом об одном деле. На следующий день он собирался приехать к нам верхом вместе с двумя старшими сестрами задолго до обеда. К записке прилагалась изящная шкатулка из китайского фарфора – подарок мисс Рэйчел. Мистер Фрэнклин подарил ей простой медальон, стоивший вдвое дешевле шкатулки.

Слава богу, мы дошли наконец до кануна дня рождения! Развеселитесь – я пораду вас новой главой, которая подведет нас к самой истории.

Утро двадцать первого июня выдалось пасмурным, но к полудню прояснилось. Мы, слуги, по обыкновению, поднесли наши скромные подарки мисс Рэйчел, и я произнес поздравительную речь. Все утро мистер Фрэнклин и мисс Рэйчел провели за раскрашиванием двери. Пенелопа, стоя рядом, размешивала краски по их указанию. Не ранее трех часов они сняли свои передники, но добились чего хотели: дверь была закончена ко дню рождения. Грифы, купидоны и все прочее было, должен признаться, очень красиво, но их оказалось так много, что они перепутались с цветами и девизами.

После ланча мистер Фрэнклин имел со мной тайное совещание о Лунном камне: пришло время забрать его из фризинголлского банка и вручить мисс Рэйчел. Мы решили, что он поедет верхом во Фризинголл и привезет алмаз, по всей вероятности, в обществе мистера Годфри и двух молодых кузин. Сказав тетушке, что едет встречать гостей, молодой джентльмен отправился за Лунным камнем, что было известно только ему и мне.

Приготовив вино и сделав смотр мужской и женской прислуги, которой предстояло служить за обедом, я ушел к себе. Меня пробудил – не от дремоты, а от задумчивости – топот лошадиных копыт, и я поспешил на встречу кавалькады, состоявшей из мистера Фрэнклина, его кузена и двух кузин. Мистер Годфри, казалось, был не в духе, но зато обе мисс Эбльюайт веселились за десятерых. Этих дюжих желтоволосых румяных девиц, таких же рослых, как и их брат, переполнял избыток крови и мяса. Ноги лошадок дрожали под их тучными телами, а когда они соскочили с седел, не дожидаясь помощи, уверяю вас, что бедные животные аж подпрыгнули, точно были сделаны из резины. Все, что говорили мисс Эбльюайт, начиналось с восклицания «О!». Они все делали с шумом, кстати и некстати хихикали, кричали при малейшем поводе. Я прозвал их тараторками. В шуме, производимом этими молодыми девицами, я уличил возможность тайком обратиться к мистеру Фрэнклину.

–?Все благополучно, сэр? Вы привезли алмаз? – спросил я.

Он кивнул, ударив рукой по нагрудному карману сюртука.

-?А индийцев видели?

-?Нет.

Дав этот ответ, молодой джентльмен спросил о миледи и, узнав, что она в маленькой гостиной, сразу направился туда. Он не пробыл там и минуты, как раздался звонок, и Пенелопу послали передать мисс Рэйчел, что мистер Фрэнклин Блэк желает говорить с ней.

Проходя через переднюю спустя мгновение, я вдруг остановился как вкопанный, услышав крики из маленькой гостиной. Я вошел туда, чтобы узнать, не случилось ли чего серьезного, и увидел, словно зачарованную, мисс Рэйчел с алмазом в руках. По обе стороны от нее на коленях стояли тараторки, пожирая глазами драгоценный камень и вскрикивая от восторга. Мистер Годфри, всплескивая руками, тихо произносил своим певучим голосом: «Бесподобен!»

Мистер Фрэнклин, дергая себя за бороду, тревожно поглядывал на миледи, державшую в руках выписку из завещания полковника. Когда я поинтересовался, какие будут дальнейшие приказания, она повернулась ко мне, и я увидел гнев, блеснувший в ее глазах.

-?Зайдите ко мне через полчаса, – ответила она.

С этими словами она вышла из гостиной. Было видно, что ею овладело то же затруднение, что и нами с мистером Фрэнклином, когда мы беседовали на зыбучих песках. Являлся ли Лунный камень доказательством того, что она обошлась с братом крайне несправедливо, или, напротив, указывал на то, что ее брат был еще хуже, чем она думала о нем? Прежде чем я успел выйти из комнаты, мисс Рэйчел, всегда внимательная к старому слуге, остановила меня.

-?Взгляните на это, Габриэль! – воскликнула она, и алмаз ярко блеснул.

Господи помилуй! Вот уж поистине алмаз! Блеск, струившийся от него, походил на сияние полной луны. Когда вы смотрите на камень, его желтая глубина притягивает к себе так, что вы не замечаете ничего вокруг. Глубина его казалась неизмерима, как само небо. Мы положили его на солнце, затворили ставни, и он засиял своим собственным лунным блеском в темноте.

Оторвавшись от этого дивного зрелища, я, наконец, заковылял вниз к своей команде, чтобы через полчаса явиться в комнату миледи. Разговор с госпожой во многом являлся повторением нашей беседы с мистером Фрэнклином на зыбучих песках, с той лишь разницей, что я умолчал о фокусниках. Оказалось, что миледи побуждения полковника представлялись в самом черном свете, и при первом удобном случае она намеревалась отнять у дочери Лунный камень.

Когда миссис Вериндер меня отпустила, я отправился принарядиться для приема гостей. Не успел я надеть белый жилет, как пришла Пенелопа, будто бы для того, чтобы расчесать те немногие волосы, которые у меня еще остались. Моя девочка была очень весела, и я видел, что она хочет мне что-то рассказать. Поцеловав меня в лысину, Пенелопа шепнула мне на ухо:

-?Мисс Рэйчел отказала ему.

-?Кому? - не понял я.

-?Члену дамского комитета, - ответила Пенелопа. - Гадкий, лукавый человек! Я ненавижу его за то, что он старается вытеснить мистера Фрэнклина.

Если бы я мог свободно вздохнуть в ту минуту, то, верно, опротестовал бы несправедливые выражения о знаменитом филантропе. Но дочь моя в эту минуту завязывала бант моего галстука, и вся сила чувств перешла в ее пальцы. Я никогда в жизни не был так близок к удушению.

-?Я видела, как он увел ее в цветник, - продолжала Пенелопа, - и притаилась за остролистником, чтобы посмотреть, какими они вернутся. Уходили они веселыми, рука об руку, а пришли угрюмыми, глядя в разные стороны. Ошибиться было невозможно! Я никогда в жизни так не радовалась, отец! Остановившись с другой стороны остролистника, мистер Годфри спросил: «Вы хотите, чтобы я остался здесь, как ни в чем не бывало?» Мисс Рэйчел, обернувшись на него быстро, как молния, ответила: «Вы приняли приглашение мамы, и вы здесь вместе с ее гостями. Если вы не желаете наделать шума, разумеется, вы останетесь!» Сделав еще несколько шагов, она, немного смягчившись, сказала: «Забудем о том, что случилось, Годфри, и останемся кузенами». Затем она подала ему руку, и он поцеловал ее, что я считаю непростительной вольностью. Когда мисс Рэйчел оставила мистера Годфри, он, повесив голову, процедил сквозь зубы: «Неловко! Очень неловко!»

Прежде чем я успел сказать хоть слово, послышался стук колес: начали съезжаться гости. Пенелопа убежала, и я поспел в переднюю как раз вовремя, чтобы доложить о двух первых гостях. Не стоит ими особо интересоваться: это были всего лишь отец и мать филантропа – мистер и миссис Эблзуайт.

X

Нет надобности утомлять вас описанием гостей, все равно вы не встретите никого из них во второй раз – по крайней мере в моей части рассказа, – за исключением двоих. Они сидели по обе стороны от королевы праздника – мисс Рэйчел, более обыкновенного привлекавшей к себе внимание, потому что (к тайному неудовольствию миледи) на ней был чудный подарок, затмивший все остальные, – Лунный камень. Ей вручили его без оправы, но этот универсальный гений, мистер Фрэнклин, смог с помощью своих ловких рук и серебряной проволоки пришить алмаз, как брошку, к белому платью девушки. Разумеется, все восхищались величиной и красотой камня, и только два человека отозвались о нем весьма странно – это были те самые гости, о которых я упомянул раньше: мистер Канди, наш фризинголлский доктор, и часто путешествующий по Индии мистер Мертуэт.

Мистер Канди был приятным, общительным человеком, но, как водится, не без недостатков. Он любил кстати и некстати восхищаться своими шутками и довольно опрометчиво вступать в разговор с незнакомыми людьми и без всякого злого умысла ссорить их между собой. Не совсем уместно прозвучала его шутка и об алмазе мисс Рэйчел.

–?Давайте сначала нагреем его, – предложил доктор, – а потом, подвергнув воздействию воздуха, мало-помалу испарим, чем избавим вас от забот сохранять такой драгоценный камень.

Мистер Мертуэт – высокий, худощавый молчаливый человек – отличался тем, что, рискуя жизнью, пробирался в такие места, куда еще не ступала нога ни одного европейца. Лунный камень был единственным предметом, который интересовал его. Слава этого алмаза, по-видимому, дошла и до тех опасных уголков, где он странствовал. Мистер Мертуэт так пристально смотрел на камень, что мисс Рэйчел начала конфузиться.

-?Если вы когда-нибудь поедете в Индию, мисс Вериндер, – наконец проговорил он, – не берите с собой подарок вашего дяди. Я знаю там один храм, где с этим украшением ваша жизнь не продлилась бы и пяти минут.

Мисс Рэйчел, чувствуя себя в безопасности в Англии, восторженно слушала об угрозах, подстерегавших ее в Индии. По мере того как обед продолжался, я примечал, что этот праздник не так удался, как все другие. Разговор у гостей не вязался, и даже я почувствовал себя неловко. Вспоминая теперь тот день и то, что случилось потом, я готов предположить, что это все проклятый алмаз – он погрузил общество в уныние.

Продолжая заниматься своим делом, я расставлял графины на столе, как вдруг на террасе кто-то начал бить в индийский барабан. Я готов был поручиться жизнью, что фокусники снова вернулись в наш дом. Переглянувшись с мистером Фрэнклином, я пошел прогнать их, но, к несчастью, две тараторки опередили меня. Они влетели на террасу, словно фейерверк, желая посмотреть фокусы индийцев. Вся публика последовала за ними. Мистер Фрэнклин встал возле мисс Рэйчел, а я позади нее. Если наши подозрения были справедливы, то она с алмазом на платье подвергалась большой опасности.

Не могу сказать, какие штуки они выкидывали. Раздосадованный прерванным обедом и рассерженный на мошенников, я совсем растерялся. Единственное, что я помню, – это внезапное появление на сцене индийского путешественника мистера Мертуэта. Он спокойно подошел к фокусникам и вдруг заговорил с ними на их родном языке. Если б он проколол одного из них их штыком, я сомневаюсь, что это напугало бы их сильнее, и через минуту они уже кланялись ему самым раболепным образом. Обменявшись с ними несколькими словами на неизвестном наречии, мистер Мертуэт спокойно удалился. Главный фокусник, исполнявший роль переводчика, опять повернулся к зрителям, и я заметил, что кофейное лицо этого человека стало серым – видимо, после разговора с путешественником. Индиец поклонился миледи и объявил ей, что представление закончилось. Мальчик стал обходить всех со шляпой. Дамы ушли в гостиную, а мужчины (за исключением мистера Фрэнклина и мистера Мертуэта) вернулись к своему вину. Я с одним из лакеев пошел вслед за индийцами, чтобы выпроводить их.

Возвращаясь назад, я почувствовал запах табака и увидел мистера Фрэнклина и мистера Мертуэта (последний курил сигару), прогуливавшихся под деревьями.

Мистер Фрэнклин сделал мне знак, и я подошел.

-?Это Габриэль Беттередж, – произнес молодой джентльмен, представляя меня знаменитому путешественнику, – старый слуга и друг нашего семейства, о котором я вам только что говорил. Вы можете поведать ему все то, что рассказали сейчас мне.

Мистер Мертуэт, вынув сигару изо рта, со своим обычным утомленным видом прислонился к дереву.

-?Мистер Беттередж, – начал он, – эти три индеец – такие же фокусники, как мы с вами. Я знаю, в чем состоят индийские фокусы. Все, что вы видели сегодня, весьма плохое подражание. Если я не ошибаюсь, эти люди – брамины. Когда я раскрыл их, заметив, что они только прикидываются фокусниками, их это очень смутило, хотя индусы умеют довольно искусно скрывать свои чувства. В их поведении есть какая-то тайна, которую я объяснить не могу. Они дважды пожертвовали своим титулом: во-первых – переплыв через море, во-вторых – переодевшись фокусниками. На той земле, где они живут, это страшная жертва. Но на это должна быть веская причина и серьезное оправдание, которое даст им возможность вернуть принадлежность к своей касте, когда они снова окажутся на родине.

Я онемел от изумления. Мистер Мертуэт продолжал курить сигару, и тогда мистер Фрэнклин прервал молчание:

-?Я не решился бы беспокоить вас нашими семейными делами, мистер Мертуэт, но после того, что вы сказали, я считаю себя обязанным в интересах леди Вериндер и ее дочери сообщить вам нечто очень важное, что, возможно, послужит ключом к разгадке тайны этих индейцев. Я говорю с вами по секрету и смею надеяться, что вы этого не забудете.

После предисловия мистер Фрэнклин рассказал путешественнику все, что открыл мне на зыбучих песках. Даже непоколебимый Мертуэт до того заинтересовался услышанным, что дал погаснуть своей сигаре.

-?Что вы об этом думаете? – спросил молодой джентльмен под конец.

-?Что вы были гораздо ближе к смерти, – ответил путешественник, – чем когда-либо бывал я, мистер Блэк, а этим много сказано.

Пришла очередь мистера Фрэнклина удивляться:

-?Неужели все так серьезно?

-?По моему мнению, – ответил мистер Мертуэт, – желание вернуть Лунный камень на его законное место, на чело индийского идола, и есть причина той жертвы, о которой я вам говорил. Эти люди будут ждать удобного случая с терпением кошек и воспользуются им со свирепостью тигров. Вы возили алмаз туда-сюда и еще живы! – прибавил знаменитый путешественник, закуривая сигару и пристально глядя на мистера Фрэнклина. – Полагаю, оба раза вы днем забирали алмаз из лондонского банка?

-?Да, – ответил мистер Фрэнклин.

-?На улицах было многолюдно?

-?Да, – снова повторил молодой джентльмен.

-?Вы, разумеется, предупредили леди Вериндер о своем визите заранее. Вы приехали в назначенное время?

-?Нет, четырьмя часами ранее.

-?Поздравляю вас с этим! Когда вы отвезли алмаз во Фризинголл?

-?Через час после своего приезда и за три часа до того, как меня ожидали увидеть здесь.

-?Позвольте снова вас поздравить! Вы одни везли камень назад?

-?Нет, с моим кузеном, кузинами и грумом.

-?Позвольте поздравить вас в третий раз! Если вы когда-нибудь вздумаете отправиться за границы цивилизованного мира, дайте мне знать, и я поеду с вами. Вы – баловень судьбы.

-?Неужели вы хотите сказать, сэр, – проговорил я, – что из-за алмаза индийцы могли лишиться жизни мистера Фрэнклина?

-?Вы курите, мистер Беттередж? – спросил меня путешественник.

-?Да, сэр.

-?Вы очень дорожите золой, которая остается на дне вашей трубки?

-?Нисколько не дорожу, сэр.

-?В той стране, откуда приехали эти люди, так же мало ценят человеческую жизнь, как вы золу вашей трубки.

-?Они видели Лунный камень на платье мисс Вериндер! – воскликнул молодой джентльмен. – Что же теперь делать?

-?То, что грозился исполнить ваш дядя, – ответил мистер Мертуэт. – Он прекрасно понимал, с кем имеет дело. Завтра же под караулом отправьте алмаз в Амстердам. Прикажите сделать из камня полдюжины бриллиантов. Когда Лунный камень перестанет существовать, не будет смысла и в заговоре.

-?Ничего не попишешь, – сказал мистер Фрэнклин, повернувшись ко мне. – Завтра же мы должны поговорить с леди Вериндер.

-?Но что, если индийцы вернутся сегодня? – забеспокоился я.

Мистер Мертуэт ответил мне прежде, чем мистер Фрэнклин:

-?Индийцы не решатся на это. Они никогда ни идут прямым путем, не говоря уже о таком важном деле, как это.

-?Но что, если эти мошенники окажутся смелее, чем вы думаете, сэр?

-?В таком случае спустите собак, – сказал мистер Мертуэт. – У вас есть большие собаки на дворе?

-?Да, сэр, две – бульдог и ищейка.

-?Их будет достаточно.

Путешественник, бросив сигару и взяв под руку мистера Фрэнклина, направился к дамам. Я же пошел к себе. Устроившись в своем любимом кресле, я отчаянно спрашивал себя, что делать, и, закурив трубку, раскрыл «Робинзона Крузо». Не читал я и пяти минут, как мне попало это удивительное место: «Страх опасности в десять тысяч раз страшнее самой опасности». Я давно уже курил вторую трубку и все еще восхищался этой удивительной книгой, когда Пенелопа (подававшая гостям чай) принесла мне вести из гостиной. Тараторки пели дуэтом, миледи играла в вист, но много ошибалась, чего мы прежде никогда за ней не замечали. Знаменитый путешественник заснул в углу, а мистер Фрэнклин сыпал остротами в адрес мистера Годфри и его дамских комитетов. Тот отвечал ему гораздо резче, нежели приличествовало такому гуманному джентльмену, как он. Дочка заметила, как мисс Рэйчел украдкой бросала на мистера Фрэнклина весьма красноречивые взгляды, в значении которых не усомнилась бы ни одна умная горничная. Наконец, Пенелопа видела, как мистер Канди, таинственно исчезнувший из гостиной на некоторое время, потом вновь вернулся и вступил в разговор с мистером Годфри. Словом, дела шли гораздо лучше, чем во время обеда.

Когда дочка оставила меня, я, растревожившись, решил снова обойти вокруг дома. Не обнаружив ничего подозрительного, я вернулся в дом и встретил двух наших джентльменов, выходящих из гостиной. Это были мистер Канди и мистер Годфри; они тихо разговаривали и над чем-то смеялись. Мне показалось довольно странным, что эти два человека подружились.

Прибытие экипажей послужило сигналом к дождю. Он полил как из ведра и, казалось, грозил затянуться на всю ночь. За исключением доктора, которого ожидал открытый экипаж, все остальное общество очень удобно разъехалось по домам в каретах. Теперь остается рассказать историю ночи.

Когда последний из гостей уехал, я вернулся в зал. Миледи и мисс Рэйчел выходили из гостиной в сопровождении двух джентльменов. Мистер Годфри пил водку с содовой, а мистер Фрэнклин ничего не пил, но имел смертельно усталый вид. Миледи, пожелав джентльменам спокойной ночи, пристально посмотрела на подарок нечестивого полковника, блиставший на платье дочери.

-?Рэйчел, – обратилась к ней миссис Джулия, – куда ты положишь свой алмаз?

Мисс Рэйчел находилась в самом веселом расположении духа. Сначала она объявила, что не знает, куда его положить, потом сказала: «Разумеется, на туалетный столик вместе с другими вещами», затем она вспомнила об индийском шкафчике, который стоял в ее гостиной, и тотчас решила спрятать индийский алмаз туда, чтобы дать возможность этим двум прекрасным произведениям любоваться друг другом. До поры до времени терпеливо слушая весь этот вздор, мать все же остановила ее таким замечанием:

-?Душа моя, твой индийский шкафчик не запирается.

-?Великий боже, мама! – вскрикнула мисс Рэйчел. – Разве мы в гостинице, разве в доме есть воры?

-?Почему бы тебе не отдать алмаз мне?

Мисс Рэйчел приняла это вопрос так, как приняла бы десять лет тому назад предложение расстаться с новой куклой. Миледи поняла, что ее не уговорить.

-?Приходи ко мне в комнату, Рэйчел, как только проснешься, – добавила она. – Я скажу тебе кое-что.

С этими словами госпожа оставила нас. Вскоре за ней, простившись с джентльменами, ушла и мисс Рэйчел. Как только девушка перестала ослеплять своей красотой мистера Фрэнклина, он заметил меня.

-?Беттередж, – сказал он мне, – я почти готов думать, что придавал слишком большое значение словам мистера Мертуэта. Желал бы я знать, не угостил ли он нас баснями, которыми так любят щегольнуть путешественники? Неужели вы в самом деле хотели выпустить собак?

-?Я сниму с них ошейники, сэр, – ответил я, – и дам им волю побегать этой ночью.

-?Хорошо, – сказал мистер Фрэнклин. – Но пока я вовсе не намерен пугать тетюшку без причины. Спокойной ночи!

Мистер Фрэнклин пошел наверх вместе с мистером Годфри, так как комнаты их располагались рядом. Я упоминаю об этом обстоятельстве, потому что после всего виденного и слышанного в тот день мне было приятно приметить, что джентльмены по-прежнему оставались в хороших отношениях.

Пожелав молодым людям спокойной ночи, я пошел снять ошейники с собак. Они чуть не сошли с ума от удивления, что их выпустили в такую пору, и прыгали на меня, как щенки. Однако дождь скоро охладил их пыл: полакав воды, они спрятались в норы. Затем мы с Самюэлем обошли вокруг дома и заперли все двери. В первом часу ночи я отправился к себе.

Солнце уже всходило, когда я наконец задремал. Все то время, пока я не спал, в доме было тихо, как в могиле. В половине восьмого я встал и отворил окно – день выдался солнечный. Часы пробили восемь, когда я услышал позади себя на лестнице шелест женских юбок. Я обернулся: за мной, как сумасшедшая, прибежала Пенелопа.

-?Отец! – кричала она. – Скорее наверх! Алмаз пропал!

-?Ты, верно, с ума сошла! – воскликнул я.

Тогда она потащила меня за собой в гостиную мисс Рэйчел, через которую можно было пройти в ее спальню. Там, почти такая же бледная лицом, как ее белый пеньюар, стояла мисс Рэйчел. Створки индийского шкафчика были отворены настежь, а один из ящичков выдвинут.

-?Смотрите! – причитала Пенелопа. – Я сама видела, как мисс Рэйчел положила вчера алмаз в этот ящик.

-?Это правда, мисс? – спросил я.

-?Алмаз пропал! – воскликнула она и скрылась в спальне.

Прежде чем мы успели сообразить, что делать, в гостиную вошла миледи. Услышав известие о пропаже алмаза, она словно окаменела. Овладев собой, госпожа подошла к спальне дочери и настояла на том, чтобы та ее впустила. Тревога, охватившая дом с быстротой пожара, переполошила и джентльменов. Мистер Годфри первым вышел из своей комнаты и, узнав о случившемся, только всплеснул руками. Мистер Фрэнклин, на прозорливость которого я так рассчитывал, оказался не находчивее своего кузена, когда ему обо всем рассказали. Однако, когда он выпил чашку кофе, ум его просветлел.

Прежде всего мистер Фрэнклин послал за слугами и велел им оставить все двери и окна (за исключением парадной, которую открыл я) запертыми. Перед тем как принимать дальнейшие меры, он предложил своему кузену и мне удостовериться в том, что алмаз действительно пропал, а не завалился за шкафчик или под стол. Обыскав все и ничего не найдя, расспросив также Пенелопу и узнав от нее не более того, что она уже сообщила мне, мистер Фрэнклин предложил поговорить с мисс Рэйчел и послал за ней Пенелопу.

На стук вышла миледи, плотно затворив за собой дверь. Через минуту мы услышали, как мисс Рэйчел заперлась изнутри.

-?Пропажа алмаза сильно поразила Рэйчел, и она не хочет говорить об этом даже со мной. Я полагаю, что остается только послать за полицией, – сказала она спокойно.

-?А полиция должна, – подхватил ее слова мистер Фрэнклин, – схватить индийских фокусников, что давали здесь вчера представление. Мне теперь некогда объясняться, – продолжал мистер Фрэнклин, когда на лице миледи и мистера Годфри выразилось удивление. – Я могу сказать только то, что алмаз украли индийцы. Дайте мне рекомендательное письмо к одному из фризинголлских судей, – обратился он к миледи, – и позвольте тотчас же отправиться в город.

Миледи с неохотой написала необходимое письмо. Если бы было возможно оставить без внимания пропажу вещи, стоившей двадцать тысяч фунтов, я полагаю, миссис Вериндер, не доверявшая своему покойному брату и его подарку, с большей радостью позволила бы ворам бежать.

Я пошел с мистером Фрэнклином в конюшню и воспользовался этим случаем, чтобы спросить его, каким образом индийцы могли забраться в дом.

-?Один из них мог проникнуть в зал, когда гости разъезжались, – сказал мистер Фрэнклин. – Вор, должно быть, лежал под диваном, когда тетушка и Рэйчел говорили, куда спрятать алмаз. Ему стоило только дождаться, когда в доме все стихнет, а потом подойти к шкафчику и забрать алмаз.

Прокричав груму, чтобы отворили ворота, молодой джентльмен ускакал. Действительно, это было единственным разумным объяснением. Но каким же образом вор успел выбраться из дома? Все было заперто. А собаки? Положим, вор убежал, выпрыгнув из окна верхнего этажа, но как же он провел ищеек? Не запасся ли он отравленным мясом? Едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как собаки выбежали ко мне из-за угла такие веселые и здоровые, что я с большим трудом унял их и посадил на цепь.

После завтрака миледи послала за мной, и мне пришлось рассказать ей все то, что я до сих пор скрывал. Будучи женщиной мужественной, она скоро оправилась от первого испуга и, казалось, больше тревожилась из-за состояния дочери, чем из-за мошенников и их заговора.

-?Вы знаете, какой странной порой бывает Рэйчел, но такой скрытной я ее никогда не видела, – проговорила миледи. – Пропажа алмаза будто лишила ее рассудка. Кто бы мог подумать, что этот камень так очарует ее?

Незадолго до одиннадцати вернулся мистер Фрэнклин.

-?Ну что, – спросила миледи, – полиция будет?

-?Да, – ответил мистер Фрэнклин, – сказали, что едут вслед за мной. Главный инспектор Сигрэв и два его помощника. Чистая формальность! Надежды нет никакой.

-?Как! Разве индийцы убежали, сэр? – полюбопытствовал я.

-?Они невинны, как младенцы, – сказал мистер Фрэнклин. – Мое предположение о том, что один из них спрятался в доме, рассеялось как дым.

Удивив нас этим известием, наш молодой джентльмен по просьбе тетки объяснился. Он ясно изложил суть дела перед судьей, и тот сразу же послал за полицией. Из наведенных справок оказалось, что индийцы даже и не пытались выходить из города: всех троих видели возвращавшимися во Фризинголл с их мальчиком в одиннадцатом часу вечера. Однако незадачливых фокусников все равно заключили в тюрьму – на тот случай, если их еще придется допросить.

Индийский ключ к тайне пропавшего алмаза ломался в наших руках. Если фокусники были не виновны, то кто же похитил Лунный камень?

Минут через десять, к нашему облегчению, прибыл инспектор Сигрэв. Он сразу принялся за дело. Осмотрев дом и не обнаружив следов взлома, Сигрэв заключил, что вор – кто-то из домашних. Вы не представляете, в какое состояние это официальное объявление привело прислугу. Девушки выскочили из своих углов и помчались наверх, к комнате мисс Рэйчел. Там они накинулись на Сигрэва и наперебой стали требовать, чтобы он сказал, кого из них он подозревает.

-?А ну-ка марш вниз, все до одной! Я вас сюда не звал, – не растерялся инспектор. – Посмотрите-ка, что вы наделали своими юбками, – воскликнул он, указывая на небольшое размазанное пятно под самым замком на раскрашенной двери мисс Рэйчел. – Вон отсюда!

Далее Сигрэв тщательно осмотрел гостиную мисс Рэйчел, но, ничего этим не добившись, спросил меня, кто первый обнаружил пропажу. Я ответил, что Пенелопа, и послал за ней.

-?Внимательно слушайте меня и помните, что вы должны говорить правду, – несколько круто обратился к ней инспектор.

-?Меня никогда не учили лгать, – тотчас вспыхнула дочка, – и если отец мой может стоять здесь и слушать, как меня обвиняют во лжи и воровстве, то он не

такой добрый отец, каким я его считала.

Слова, сказанные мной в защиту Пенелопы, повернули разговор в более приятное русло. Дочка сообщила, что вечером видела, как мисс Рэйчел спрятала алмаз в шкафчик. Когда в восемь часов утра Пенелопа принесла госпоже чашку чая, то шкафчик уже был открыт и пуст, тогда-то она и подняла тревогу.

Потом инспектор попросил позволения видеть мисс Рэйчел. Пенелопа передала его просьбу через дверь, и ответ пришел к нам тем же путем:

-?Мне нечего сказать полицейскому. Я никого не могу видеть.

Наш многоопытный офицер, несколько удивившись этим словам, решил поговорить с джентльменами, но те ничего не знали. Освобожденный от допроса, мистер Фрэнклин шепнул мне:

-?Этот человек не принесет никакой пользы. Инспектор Сигрэв – осел.

Освобожденный в свою очередь, мистер Годфри шепнул совсем другое:

-?Сигрэв – знаток своего дела, Беттередж. Я очень на него надеюсь.

Потом инспектор попросил нас с Пенелопой проводить его в будуар. Обшарив там все и ничего не обнаружив, наш опытный сыщик обратился ко мне с вопросом, знали ли слуги, куда будет спрятан алмаз на ночь.

-?Я знал об этом, сэр, – ответил я. – Моя дочь знала, знал и лакей Самюэль, потому что он был в передней, когда об этом шел разговор. Кто-то из них мог передать это другим слугам. Как мне кажется, в доме всем было известно, где прошлой ночью лежал алмаз.

Мой ответ представлял слишком обширное поле для подозрений инспектора, и он постарался сузить его, расспросив меня о характерах слуг.

-?Все они заслуживают доверия своей госпожи, – сказал я.

После этого мистеру Сигрэву оставалось только одно – самому поговорить с нашими слугами, но это вновь ничего не дало. Тогда следующий и последний шаг следствия довел нас, как говорится, до кризиса. Инспектор в моем присутствии встретился с миледи. Сообщив ей, что алмаз украд кто-то из домашних, он попросил позволения обыскать комнаты и сундуки слуг. Моя добрая госпожа, женщина великодушная и благовоспитанная, не позволила обходиться с нами, как с ворами:

–?Я никогда не отплачу своим верным слугам такой монетой.

Инспектор, поклонившись, бросил на меня весьма красноречивый взгляд, словно говоривший: «Зачем же было обращаться ко мне, если вы сами связываете мне руки?» Как глава прислуги, я тотчас почувствовал, что мы не должны злоупотреблять великодушием нашей госпожи.

–?Мы от всей души благодарим ваше сиятельство, – сказал я, – но просим позволения поступить так, как должно, и отдаем наши ключи.

Так как я поручился, остальные слуги хоть и весьма неохотно, но последовали моему примеру. Обыск закончился, но алмаза, разумеется, так и не нашли. Пока полицейский раздумывал в одиночестве, что же ему дальше предпринять, меня позвали к мистеру Фрэнклину в библиотеку. Только я взялся за ручку двери, как она вдруг отворилась изнутри, и оттуда вышла Розанна Спирман. После того как библиотека с утра была выметена и убрана, ни первой, ни второй служанке незачем бы ходить туда.

–?Что вам понадобилось в библиотеке в такую пору? – спросил я.

–?Мистер Фрэнклин Блэк потерял наверху кольцо, – сказала Розанна, и щеки ее залил густой румянец, – я приходила, чтобы отдать его.

Я нашел мистера Фрэнклина работающим за столом в библиотеке. Он приказал мне заложить экипаж на железную дорогу.

–?Вы едете в Лондон, сэр? – спросил я.

-?Еду телеграфировать в Лондон, – уточнил мистер Фрэнклин. – Я убедил тетушку, что нам должен помочь человек поумнее инспектора Сигрэва, и получил ее позволение послать телеграмму моему отцу. Он знает начальника полиции, а тот может выбрать человека, способного разгадать тайну алмаза. Кстати, о тайнах, – прибавил мистер Фрэнклин, понизив голос, – я должен сказать вам два слова, прежде чем вы пойдете в конюшню. Но не говорите пока об этом никому ни слова. Или Розанна Спирман не совсем в порядке, или она знает о Лунном камне больше, чем ей следует знать. Она пришла сюда с кольцом, которое я обронил в спальне, – продолжал мистер Фрэнклин. – Поблагодарив ее, я, разумеется, ожидал, что она уйдет, но вместо этого она встала напротив меня и не то испуганно, не то фамильярно произнесла: «Странное дело с этим алмазом, сэр!» Я согласился с ней и стал ждать, что будет дальше. Клянусь честью, Беттередж, мне кажется, она не в своем уме! «Алмаза-то ведь не найдут, сэр, не так ли? Не найдут и того, кто его взял, ручаюсь за это», – продолжала она, улыбаясь. Прежде чем я успел спросить ее, что она хочет этим сказать, мы услышали ваши шаги за дверью. Она, верно, испугалась, что вы застанете ее здесь. Как бы то ни было, она изменилась в лице и вышла из комнаты. Что все это может значить?

Я даже тогда не решился рассказать ему, что Розанна попала к нам из исправительного дома. Это было бы равносильно тому, если бы я назвал ее воровкой. Кроме того, если б я и открыл всю правду мистеру Фрэнклину, предполагая, что алмаз украла Розанна, было непонятно, почему она поделилась своей тайной именно с молодым джентльменом.

-?Лучше всего будет, сэр, – сказал я, – если я сообщу об этом миледи при первом удобном случае.

Это, кажется, обрадовало мистера Фрэнклина, и он, сложив телеграмму, прекратил разговор. По дороге в конюшню я заглянул в людскую: там обедали. Розанны Спирман среди слуг не было. Справившись о ней, я узнал, что она вдруг занемогла и пошла прилечь в свою комнату.

-?Странно! Она была совершенно здорова, когда я видел ее, – заметил я.

-?Не говорите так при других, отец, – сказала Пенелопа, последовав за мной из людской, – вы этим только настраиваете всех против Розанны. Бедняжка сокрушается от любви к мистеру Фрэнклину Блэку.

Это был другой взгляд на странное поведение девушки.

Подъезжая в кабриолете к парадной двери, я увидел не только мистера Фрэнклина, но и мистера Годфри и инспектора Сигрэва, ожидавших меня на лестнице. Инспектор, кажется, пришел к новому заключению. Все еще придерживаясь своего первого убеждения о том, что алмаз украл кто-то из домашних, Сигрэв теперь думал, что преступник действовал заодно с индийцами, и он предложил допросить фокусников, заключенных во фризинголлскую тюрьму. Узнав об этом новом решении, мистер Фрэнклин вызвался отвезти инспектора обратно в город, откуда он мог телеграфировать в Лондон так же легко, как с нашей станции. Мистер Годфри, по-прежнему веривший Сигрэву, тоже желал присутствовать при допросе индийцев и попросил позволения поехать с инспектором во Фризинголл.

Прежде чем мистер Фрэнклин взялся за вожжи, он отвел меня в сторону и сказал:

-?Я пока не буду посылать депешу в Лондон, а посмотрю, что выйдет из допроса индийцев. Я убежден, что этот тупоголовый полицейский ничего не понимает и просто старается выиграть время. Следите за всем хорошенько, Беттередж, и постарайтесь выпытать что-нибудь у Розанны Спирман. Это дело гораздо серьезнее, чем вы думаете.

-?Речь идет о двадцати тысячах фунтах, сэр, – отозвался я, думая о ценности алмаза.

-?Речь идет о том, чтобы успокоить Рэйчел, – сурово ответил мистер Фрэнклин. – Я очень беспокоюсь за нее.

За полчаса до обеда оба джентльмена вернулись из Фризинголла, договорившись с инспектором Сигрэвом о том, что он вновь прибудет к нам на следующий день. Они заезжали к мистеру Мертуэту, индийскому путешественнику, проживавшему близ города. По просьбе мистера Фрэнклина он согласился служить переводчиком при допросе тех двух индийцев, которые не говорили по-английски. Допрос закончился ничем, он не дал ни малейшего повода подозревать фокусников в заговоре с кем-нибудь из наших слуг. Тогда мистер Фрэнклин послал депешу в Лондон.

В пятницу утром нас ждали две новости. Во-первых, приказчик булочника заявил, что накануне вечером он встретил Розанну Спирман, лицо которой прикрывала вуаль. Она якобы пробиралась во Фризинголл по тропинке через болото. Странно, что приказчик обознался, ведь плечо служанки делало ее слишком заметной, но ошибся он непременно, потому что Розанна, как вам известно, весь четверг пролежала больная наверху. Вторую новость принес почтальон. Достойный мистер Канди простудился в ту ночь, когда возвращался с дня рождения, и теперь лежал в горячке. Мы все жалели бедного доктора, но мистер Фрэнклин сожалел о его болезни еще и из опасений за здоровье мисс Рэйчел. Из того, что он сказал миледи, когда я находился в комнате во время завтрака, я понял, что мисс Рэйчел, если неизвестность относительно Лунного камня не разрешится, будет иметь надобность в совете самого лучшего доктора.

Вскоре после завтрака телеграммой пришел ответ от мистера Блэка-старшего. Он рекомендовал нам пристава по имени Кефф и сообщал, что тот прибудет из Лондона с утренним поездом. Прочитав имя нового полицейского, мистер Фрэнклин вздрогнул.

–?Я начинаю надеяться, что мы скоро увидим конец нашим беспокойствам, – сказал он. – Если половина всего того, что я слышал, правда, то в Англии этому сыщику нет равных.

Подходило время прибытия пристава, и я пошел встречать его к воротам. Вскоре к нашему дому подкатила карета, и из нее вышел седоватый пожилой человек, очень худой. На нем был приличный черный костюм и белый галстук. Овал его лица казался острым, как топор, а кожа – такой желтой, сухой и поблекшей, как осенний лист. Глаза его, стального, светло-серого цвета, имели весьма неутешительное выражение. Его взгляд будто говорил, что от вас ожидают услышать больше, чем вам известно. Неторопливая походка и меланхолические интонации делали его скорее похожим на пастора, нежели на того, кем он был.

–?Это дом леди Вериндер? – спросил он.

–?Точно так, сэр.

-?Я пристав Кефф.

-?Пожалуйста сюда.

По дороге к дому я упомянул о своем имени и положении в семействе, чтобы дать возможность приставу заговорить о деле, которое ему поручала миледи. Однако он не проронил ни слова. Спросив о миледи и услышав, что она в оранжерее, мы обошли вокруг сада и послали слугу отыскать ее. Пока мы ждали, пристав Кефф заметил наш розарий. Удивительно, но этот знаменитый полицейский оказался кладезем знаний в пустячном искусстве разведения роз. Хорош был человек, которому предстояло отыскать алмаз мисс Рэйчел и узнать, кто украл его!

-?Вы, кажется, любите розы? – поинтересовался я. – Для человека вашей профессии, сэр, это довольно странный выбор.

-?Если вы посмотрите вокруг себя, а это делают очень немногие, – сказал пристав Кефф, – то увидите, что выбор человека по большей части совершенно не согласуется с его занятиями. Вот идет дама. Это леди Вериндер?

Полицейский увидел ее прежде, чем мы с садовником, хотя мы знали, куда смотреть, а он – нет. Я начал считать его гораздо дальновиднее, чем он казался на первый взгляд. Внешность пристава или дело, по которому он приехал, или и то и другое, казалось, несколько смутили миледи. Первый раз в жизни я видел, что она не знает, что сказать постороннему. Кефф тотчас же вывел ее из затруднения. Он спросил, не занимался ли уже кто-нибудь расследованием того дела, ради которого его пригласили. Узнав, что другой полицейский уже пытался найти преступника, Кефф просил позволения поговорить с ним.

Почему инспектор Сигрэв стал гораздо ниже ростом, когда его представили Кеффу, я не берусь объяснить. Они вместе удалились и очень долго сидели, запершись, и не впускали к себе никого. Когда они вышли, инспектор был взволнован, а пристав зевал.

-?Пристав желает осмотреть гостиную мисс Вериндер, – с пафосом обратился ко мне Сигрэв. – Пожалуйста, проводите его наверх.

Заглянув в индийский шкафчик и обойдя весь «будуар», он добрался, наконец, до двери и очутился лицом к лицу с известной вам мазней. Он разглядел небольшое грязное пятно под замком.

-?Как это случилось? – спросил меня пристав Кефф.

Я ответил, что служанки столпились в этой комнате накануне утром и что эту беду сотворили их юбки.

-?Инспектор Сигрэв приказал им выйти, сэр, – прибавил я, – чтобы они не наделали еще больших бед.

-?Вы заметили, чья именно юбка это сделала? – спросил пристав Кефф, вновь обращаясь ко мне, а не к Сигрэву.

-?Нет, сэр.

Затем он спросил о том же инспектора:

-?Вы заметили, я полагаю?

-?Я не могу обременять свою память такими пустяками, – оправдывался застигнутый врасплох Сигрэв.

-?Странствуя по грязным закоулкам этого света, я еще не встречался с тем, что можно назвать пустяками. Чтобы продвинуться в этом деле, мы должны увидеть хозяйку юбки, сотворившую это пятно, и должны узнать наверняка, когда высохла эта краска.

Инспектор спросил, не надо ли позвать женщин из людской, но пристав Кефф, подумав с минуту, ответил:

-?Нет, прежде мы займемся краской. В котором часу служанки были в этой комнате вчера утром? В одиннадцать? Знает ли кто-нибудь, краска к этому времени уже высохла?

-?Племянник ее сиятельства мистер Фрэнклин Блэк знает, – сказал я.

-?Он здесь?

Мистер Фрэнклин через полминуты уже был в комнате и давал такие показания:

-?Эту дверь мы разрисовали вместе с мисс Вериндер, используя состав моего изобретения. Он высыхает через двенадцать часов.

-?Вы помните, сэр, когда вы закончили расписывать то место, где теперь пятно? – спросил пристав.

-?Помню, – ответил мистер Фрэнклин. – Я собственноручно закончил его к трем часам пополудни.

-?Сегодня пятница, – сказал пристав Кефф, обращаясь к инспектору Сигрэву. – Давайте вернемся назад. В три часа в среду это место было расписано. Состав должен был высохнуть через двенадцать часов, то есть к трем часам утра в четверг. Вы производили здесь следствие в одиннадцать часов утра. Вычтите из одиннадцати три, и останется восемь. Эта краска была сухой уже восемь часов, господин инспектор, когда вы предположили, что женские юбки запачкали дверь.

Первый жестокий удар для мистера Сигрэва! Если бы он не подозревал бедную Пенелопу, я пожалел бы его. Решив вопрос с краской, пристав Кефф с этой минуты оставил без внимания своего коллегу и обратился к мистеру Фрэнклину как к более надежному помощнику:

-?Вы дали нам ключ к тайне.

Когда эти слова сорвались с его губ, дверь спальни отворилась, и к нам неожиданно вышла мисс Рэйчел. Она обратилась к приставу, не обращая внимания на то, что он был ей совершенно не знаком.

-?Вы сказали, – проговорила она, указывая на мистера Фрэнклина, – что он дал вам ключ к тайне?

-?Это мисс Вериндер, – шепнул я приставу.

-?Очень может быть, мисс, – произнес он. – Теперь, когда я ответил на ваш вопрос, мисс, – продолжал он, – я прошу у вас позволения задать вам свой. На вашей двери есть пятно. Вам известно, откуда оно здесь взялось?

Вместо того чтобы отвечать, мисс Рэйчел продолжала расспрашивать Кеффа, как будто он ничего не говорил.

-?Вы новый полицейский? – спросила она.

-?Я пристав Кефф, мисс, из следственной полиции.

-?Хотите выслушать совет молодой девушки?

-?Буду очень рад.

-?Исполняйте ваши обязанности сами и не позволяйте мистеру Фрэнклину Блеку вам помогать!

Мисс Рэйчел сказала эти слова с такой злостью, что, хоть я и знал ее с младенчества, любил и уважал, мне впервые в жизни стало за нее стыдно. Пристав Кефф не отрывал от ее лица взгляда.

-?Благодарю, мисс, – произнес он. – Так вам что-нибудь известно об этом пятне?

Бросив в ответ резкое «нет», мисс Рэйчел снова заперлась в спальне. Я не мог поднять глаз на пристава и взглянул на мистера Фрэнклина.

-?Я говорил вам, что беспокоюсь за нее, – грустно сказал он, – теперь вы понимаете почему?

-?Мисс Вериндер, кажется, не в духе из-за пропажи алмаза, – заметил пристав, – это вещь ценная... Забудем о том, что было, и вернемся к делу. Благодаря вам мы знаем, когда краска высохла. Теперь остается выяснить, когда дверь в последний раз видели без пятна. Кто последний уходил из этой комнаты в среду вечером?

-?Я полагаю, мисс Рэйчел, сэр, – ответил я.

-?А не ваша дочь, Беттередж? – вмешался мистер Фрэнклин и, повернувшись к приставу Кеффу, объяснил, что Пенелопа – горничная мисс Вериндер.

-?Мистер Беттередж, попросите вашу дочь сюда. Пойдите, – сказал пристав, отведя меня к окну, где нас не могли слышать. – Инспектор, – продолжал он шепотом, – дал мне подробный отчет о том, как он вел дело. Между прочим, он, по его собственному признанию, рассердил всех слуг, а для меня очень важно помириться с ними. Кланяйтесь от меня вашей дочери и всем остальным и скажите им, во-первых, что у меня пока нет доказательств, что алмаз украли, я знаю только то, что он пропал. Во-вторых, мое дело к ним просто заключается в том, чтобы просить их помочь мне.

-?Конечно, сэра, – проговорил я и отправился выполнять поручение.

Пенелопа, видимо, понравилась приставу, и на лице его появилось точно такое выражение, как и в то время, когда он заметил белую розу в цветнике. Дочка рассказала, что в полночь, прощаясь с госпожой перед сном, стояла у разрисованной двери, но старалась не дотрагиваться до нее, так как краска еще не высохла. Пенелопа клялась, что подобрала подол платья и что тогда пятна на двери еще не было, однако она не могла ручаться, что случайно не коснулась двери, когда выходила. Тщательный осмотр того дочкиного наряда показал, что пятен на нем нет, однако все видимые признаки указывали на то, что краску размазало чье-то платье. Тот, на ком оно было, находился в комнате между полночью и тремя часами утра в четверг.

Доведя следствие до этого пункта, пристав Кефф вспомнил, что в комнате еще оставался инспектор Сигрэв, и в назидание своему товарищу по службе сделал следующий вывод из проведенного им следствия.

-?Итак, ваше «пустячное» пятно, господин инспектор, – резюмировал пристав, вспомнив о присутствии Сигрэва, – подводит нас к трем открытиям. Во-первых, мы должны выяснить, есть ли в доме одежда, запачканная такой краской; во-вторых, кому это платье принадлежит; в-третьих, как та особа объяснит, что она делала в этой комнате. Если эта особа не сможет дать вразумительного ответа, то отыскать преступника не составит большого труда. С вашего позволения, я сделаю это сам, не отрывая вас от городских дел, только оставьте мне на всякий случай одного из ваших подчиненных.

-?Нет ничего проще, чем сделать из мухи слона, – ответил инспектор, явно обидевшись. – Прощайте!

Далее пристав изъявил желание поговорить с миледи. Выходя из комнаты с этим поручением, я слышал, как мистер Фрэнклин задал такой вопрос:

-?Мистер Кефф, вы еще не догадываетесь, кто украл алмаз?

-?Никто его не крал, – загадочно ответил пристав.

XIII

Когда я вошел в кабинет миледи, она вздрогнула, и на лице ее выразилось неудовольствие, когда я упомянул, что мистер Кефф хочет поговорить с ней.

-?Неужели в этом действительно есть надобность? Мои нервы и без того расстроены, – пожаловалась она. – В этом лондонском полицейском есть что-то неприятное. Я предчувствую, что он навлечет беду на наш дом.

Я не знал, что сказать на это. Чем больше пристав Кефф беседовал со мной, тем больше он мне нравился. Миледи, однако, скоро овладела собой.

-?Если я должна увидеться с ним, я это сделаю, ничего не попишешь, – сказала она, – но я не хочу разговаривать с ним наедине. Пригласите его сюда и останьтесь с нами, Габриэль.

Когда мы с приставом Кеффом вошли в комнату, миссис Вериндер побледнела, однако, взяв себя в руки, указала нам два стула, и мы начали совещание.

-?Я уже составил мнение об этом происшествии, – проговорил пристав Кефф, – но пока я предпочел бы оставить его при себе. Теперь же я должен сообщить вам о том, что нашел наверху, в гостиной мисс Вериндер. – И он рассказал о пятне на свежевыкрашенной двери. – Несомненно пока только то, – заключил он, – что алмаз пропал из шкафчика, а также то, что чья-то одежда должна быть испачкана краской.

-?Хозяин этой одежды и есть вор? – спросила моя госпожа.

-?Извините, ваше сиятельство, я не говорил, что алмаз украден. Он пропал, и испачканная одежда может привести нас к нему.

-?И как же вы думаете отыскать это платье? – спросила миледи. – Сундуки и комнаты моих добрых слуг, много лет живущих у меня, уже были перевернуты первым следователем. Я не позволю вам снова оскорблять их!

-?Мистер Сигрэв действительно нанес следствию немало вреда, показав слугам, что подозревает их, – произнес пристав. – Если я буду вести себя так же, неизвестно, какие препятствия они мне учинят, особенно женщины. А между тем их сундуки снова нужно обыскать по той простой причине, что мистер Сигрэв искал алмаз, я же хочу найти испачканное платье.

-?Женщины точно подумают, что их подозревают, – вмешался я.

-?Не подумают, мистер Беттередж, – ответил пристав, – если я скажу, что буду осматривать гардероб всех, кто ночевал в доме в среду, начиная с миссис Вериндер. Это простая формальность, – прибавил он, искоса посмотрев на мою госпожу, – но служанки, увидев, что их ставят наравне с господами, не будут мешать следствию.

Я не мог не согласиться с этим, так как увидел истину в его словах. Миледи, когда прошло ее изумление, также одобрила это предложение:

-?Мы поговорим со слугами, когда вы будете держать в руках ключи от моего гардероба.

-?Но не лучше ли сначала удостовериться в том, что на это согласятся другие дамы и джентльмены, находящиеся в доме? – вдруг спросил Кефф.

-?Единственная другая дама в доме – мисс Вериндер, – ответила миледи с удивлением. – Джентльмены – мои племянники, мистер Блэк и мистер Эбьюайт. Нечего опасаться отказа от них троих.

Только я напомнил миледи, что мистер Годфри уезжает, как он сам постучал в дверь, чтобы попрощаться; за ним вошел и мистер Фрэнклин. Миледи, не теряя времени даром, объяснила племянникам, в чем состоит затруднение. Мистер Годфри тотчас его разрешил, прокричав Самюэлю в окно, чтобы он оставил чемодан в доме, а потом сам отдал ключ приставу Кеффу.

-?Вещи можете переслать ко мне в Лондон, – сказал он, – когда следствие закончится.

-?Мне жаль, что я ввожу вас в хлопоты, сэр, из-за пустой формальности, но пример господ примирит слуг с этим следствием, – извинился мистер Кефф.

Мистер Годфри, простившись с миледи с большим сочувствием, оставил ей поручение к мисс Рэйчел, которое состояло в том, чтобы передать ей: он не принимал ответ «нет». Мистер Фрэнклин, уходя вслед за кузеном, сообщил приставу, что все его вещи готовы для осмотра. Пристав Кефф поблагодарил его. Оставалось только получить согласие мисс Рэйчел. Непонятная антипатия миледи к приставу делала наше дальнейшее совещание еще неприятнее.

-?Я пришлю вам ключи от гардероба мисс Вериндер, – сказала она. – Полагаю, это все, что вам от меня нужно.

-?Прошу прощения, – добавил пристав Кефф, – но для начала мне бы хотелось заглянуть в книгу, куда записывается грязное белье. Испачканную одежду могли отдать прачкам вместе с ним. Инспектор Сигрэв, – пояснил пристав, повернувшись ко мне, – обратил внимание служанок на пятно, когда они столпилась в комнате в четверг утром. Не исключено, что это самая серьезная из его ошибок.

Миледи приказала мне позвонить в колокольчик и распорядиться, чтобы принесли книгу, в которой записывается грязное белье. Ее принесла Розанна Спирман. Эта девушка пришла к завтраку страшно бледной и расстроенной, но, очевидно, оправившейся от вчерашнего недуга настолько, чтобы приняться за работу. Пристав Кефф посмотрел на нашу вторую служанку, и от его внимательных глаз не укрылось ни ее лицо, ни уродливое плечо.

-?Что-нибудь еще? – спросила миледи, желая поскорее избавиться от его общества.

Знаменитый Кефф, изучив записи в книге, осведомился:

-?Скажите, а как давно у вас служит та молодая женщина, что принесла книгу?

-?Почему вас это интересует? – спросила миледи.

-?В последний раз я ее видел в тюрьме, – ответил пристав, – осужденной за воровство.

После этого ничего другого не оставалось, как рассказать ему всю правду. Моя госпожа долго распространялась об усердии Розанны и о том хорошем мнении, которое имела о ней надзирательница исправительного дома.

-?Надеюсь, вы не подозреваете ее? – в заключение прибавила миледи.

-?Я уже не раз говорил, что пока никого не подозреваю в воровстве.

После этого миледи отправилась наверх за ключами мисс Рэйчел. Мы ждали уже достаточно времени, а миссис Вериндер все не возвращалась. Наконец, в комнату вошел Самюэль, но не с ключами, а с клочком бумажки ко мне. Надев очки, я пробежал строки, написанные рукой миледи. Она сообщала мне, что мисс Рэйчел наотрез отказалась показывать свой гардероб.

-?Какое-то известие о ключах мисс Вериндер? – спросил пристав.

-?Мисс Рэйчел не соглашается на обыск ее гардероба.

-?Ага! – произнес мистер Кефф так, будто это его совсем не удивило.

-?Обыск надо остановить? – спросил я.

-?Да, – ответил пристав. – Мы должны осмотреть либо все гардеробы в доме, либо ни одного. Пошлите чемодан мистера Эбьюайта в Лондон с первым

поездом, а книгу для белья верните с моим поклоном той молодой женщине, которая ее принесла.

-?Зачем мисс Рэйчел препятствовать вам? – спросил я. – Кажется, она первая должна помогать вам.

-?Подождите немного, мистер Беттередж, и все прояснится.

-?Что же теперь делать? – спросил я.

-?Пойдемте посмотрим на розы.

XIV

Я довольно упрямый старик, и чем упорнее пристав Кефф скрывал от меня свои мысли, тем упорнее я тщился прочесть их. Когда мы свернули в розарий, я попытался провести его следующим образом:

-?Будь я на вашем месте, я стал бы в тупик.

-?Будь вы на моем месте, – возразил пристав, – вы составили бы свое мнение. Я привел вас сюда не затем, чтобы вы подкапывались под меня, как крот, а для того, чтобы кое-что у вас узнать. Конечно, я мог спросить вас и в доме, но двери и слушатели, как известно, притягивают друг друга. Мы не будем разбираться в причинах, заставляющих мисс Рэйчел упрячиться, хотя это только затрудняет следствие, – продолжал пристав, – а сосредоточимся на загадочном пятне. Я решил побеседовать со слугами, мистер Беттередж, и прощупать их мысли и поступки, а не гардеробы, но прежде я задам вам, как человеку весьма наблюдательному, два вопроса. Не показалось ли вам поведение кого-то из слуг странным после того, как открылась пропажа алмаза? Не было ли между ними какой-нибудь ссоры? Не рассердился ли кто-нибудь совершенно внезапно? Не занемог ли вдруг?

Я вспомнил о необъяснимой болезни Розанны, но не успел сказать об этом приставу, как тот вдруг повернулся к кустарнику и крикнул: «Ага!»

-?Что такое? – спросил я.

-?Опять ревматизм, – ответил он нарочито громко, как будто хотел, чтобы нас слышал кто-то еще. – Погода скоро изменится.

Мы зашли за угол дома и, круто повернув направо, миновали террасу и спустились по ступеням в нижний сад.

-?Не может быть, чтобы у этой девушки, Розанны Спирман, при ее-то внешности был любовник, – произнес мистер Кефф. – Но тем не менее я должен спросить вас, не завела ли бедняжка себе обожателя, по примеру остальных?

К чему он задал мне такой вопрос? Вместо того чтобы отвечать, я вытаращил на него глаза.

-?Я только что видел Розанну Спирман в кустах, – пояснил пристав.

-?Вы еще тогда крикнули «Ага»?

-?Если у нее есть обожатель, то это ничего не значит, а если нет, то это становится чрезвычайно подозрительным обстоятельством.

Что мне было ему ответить? Я знал, что мистер Фрэнклин любил прогуливаться здесь, знал, что, по всей вероятности, этой дорогой он будет возвращаться со станции, проводив мистера Годфри; я знал, что Пенелопа не раз заставляла тут свою подругу и всегда уверяла меня, что цель Розанны – привлечь внимание мистера Фрэнклина. Если моя дочь была права, Розанна поджидала здесь молодого джентльмена, когда пристав заметил ее. Я оказался перед затруднительным выбором: или упомянуть о фантазиях Пенелопы, или сделать несчастную девушку объектом серьезных подозрений мистера Кеффа. Из сострадания к бедняжке я дал приставу необходимые объяснения и сказал ему, что Розанна сумасбродно влюбилась в мистера Фрэнклина Блэка.

Пристав Кефф никогда не смеялся, и лишь в тех редких случаях, когда что-нибудь казалось ему забавным, уголки его губ немного приподнимались. Так произошло и теперь.

-?Уж лучше бы вы сказали, что она имела сумасбродство родиться безобразной, да к тому же служанкой, - заметил он. - Заинтересованность джентльменом с такой внешностью и такими манерами, как у мистера Фрэнклина, кажется мне не самой большой ее странностью. Однако я рад, что это загадочное обстоятельство прояснилось. Я сохраню это в тайне, мистер Беттередж, не беспокойтесь.

Когда мы вернулись в дом, пристав попросил отвести ему особую комнату и прислать к нему слуг для допроса. Я предоставил мистеру Кеффу свою комнату, а потом созвал всех в переднюю. Пристав вызывал слуг по очереди. Отправившись в свою комнату, превратившуюся на время в зал суда, когда мистер Кефф закончил, я спросил, не будет ли каких-нибудь новых распоряжений.

-?Если Розанна Спирман попросит позволения выйти, - сказал пристав, - отпустите ее, но прежде дайте мне знать.

Лучше мне было бы промолчать о Розанне и мистере ФрэнкLINE.

-?Надеюсь, что вы не считаете Розанну причастной к пропаже алмаза? - осмелился спросить я.

Но я так и не получил ответа, потому что в следующий миг нас прервал стук в дверь: кухарка передавала мне, что у Розанны Спирман опять разболелась голова и что она просится подышать свежим воздухом. Как и просил мистер Кефф, я позволил девушке отлучиться.

-?Где у вас выходят слуги? - спросил он, когда кухарка ушла.

Я указал ему черный ход.

-?Заприте дверь вашей комнаты, - распорядился пристав, - и если кто-нибудь спросит меня, скажите, что я там собираюсь с мыслями.

Сказав это, мистер Кефф исчез. Было ясно, что его подозрения возбудили сведения, которые он почерпнул из допроса слуг в моей комнате. Дойдя до этих заключений, я случайно заглянул в людскую и, увидев, что там пьют чай,

присоединился.

Мои надежды найти в чайнике союзника оправдались. Менее чем через полчаса я знал столько же, сколько сам пристав. Ни горничная миледи, ни старшая служанка не поверили в болезнь Розанны. Эти две чертовки – я прошу прощения, но как еще можно назвать этих злых женщин? – в четверг после полудня несколько раз пробирались наверх и пробовали отворить дверь ее комнаты, но им это не удалось. Когда девушка спустилась к чаю, ее снова отослали в постель из-за плохого самочувствия. Тогда эти две чертовки опять попытались пробраться к бедняжке, но ее дверь по-прежнему была заперта. Заглянув в замочную скважину, они обнаружили ее заткнутой. Горничные заметили свет под ее дверью в полночь, а в четыре часа утра слышали треск огня (огонь в спальне служанки в июне!). Все это они сообщили приставу Кеффу, который отблагодарил их за желание помочь мрачной миной и подозрительным взглядом. Он ясно дал понять, что он не верит ни одной, ни другой. Так как я уже немного разобрался в уловках знаменитого сыщика, то догадался, что он только сделал вид, что не поверил, а на самом деле собирался тайно следить за Розанной.

Я вышел на воздух. Стоял прекрасный летний вечер. У кустарника я встретил мистера Фрэнклина. Он давно уже вернулся со станции и имел с миледи весьма продолжительный разговор. Она рассказала молодому джентльмену о том, что мисс Рэйчел не позволила осмотреть свой гардероб, чем привела его в страшное уныние. Некоторое время мы гуляли молча, а потом мистер Фрэнклин спросил меня, куда запропастился пристав Кефф. Я не мог обмануть молодого джентльмена и рассказал ему все, как было, упомянув и о том, что горничная миледи и старшая служанка говорили о Розанне Спирман. Ясный ум мистера Фрэнклина в одно мгновение оценил, к чему вели подозрения пристава.

–?Вы, кажется, говорили мне, – произнес он, – что один из лавочников уверял вас, будто встретил Розанну на пути во Фризинголл?

–?Да, сэр.

–?То есть болезнь была предлогом, чтобы обмануть нас. У нее имелась какая-то весомая причина на то, чтобы тайно сходить в город. Запачканное платье принадлежало ей, а огонь, треск которого доносился из ее комнаты в четыре часа, был разведен для того, чтобы сжечь улику. Розанна Спирман украла алмаз. Я пойду скажу тетушке, какой оборот приняло дело.

-?Повремените пока, сэр, – раздался чей-то ровный голос позади нас.

Мы оба обернулись и очутились лицом к лицу с приставом Кеффом.

-?Почему же? – спросил мистер Фрэнклин.

-?Потому что об этом сразу же станет известно мисс Вериндер.

-?Возможно, но что же в этом такого? – запальчиво произнес мистер Фрэнклин, будто пристав смертельно оскорбил его.

-?Вы полагаете, сэр, – спокойно спросил тот, – что благоразумно задавать мне этот вопрос сейчас?

Наступило минутное молчание. Мистер Фрэнклин заговорил первый, понизив голос так же внезапно, как повысил его:

-?Я полагаю, вам известно, мистер Кефф, что вы ведете чрезвычайно щекотливое дело.

-?Мне не привыкать, – бесстрастно отозвался сыщик. – Вы должны понять, сэр, что я брошу это дело, если вы расскажете леди Вериндер или кому-нибудь еще о том, что вам известно, пока я не дам вам на то разрешения.

Молодому джентльмену ничего больше не оставалось, как покориться; он резко повернулся и оставил нас.

-?Мистер Беттередж, – обратился ко мне мистер Кефф, – вы наделали немало глупостей в мое отсутствие. Вы зачем-то сами пустились в розыски. Впредь я советую вам производить их только вместе со мной.

Взяв меня под руку, он повел меня по той дороге, по которой пришел. Может быть, я заслужил его упрек, но я совсем не хотел помогать ему расставлять ловушки для Розанны Спирман.

-?Что вам нужно? – спросил я, вырвав руку и остановившись.

-?Некоторые сведения о здешних окрестностях, – ответил пристав. – Есть ли здесь какая-нибудь короткая дорожка, – спросил он, указывая на сосновую аллею, которая вела к зыбучим пескам, – от моря к дому?

-?Да, – сказал я, – есть тут одна дорожка...

-?Ну так покажите мне ее.

Смеркалось, но мы отправились к зыбучим пескам.

XV

Пристав, погруженный в свои думы, молчал, пока мы не очутились в сосновой аллее. Приняв какое-то решение, он очнулся и заговорил со мной:

-?Мистер Беттередж, вы, как говорится, взяли весло в моей лодке, и потому я не вижу смысла таиться от вас. Вы не сообщили мне никаких сведений, которые могли бы навредить Розанне Спирман, потому что вам ее искренне жаль. Эти гуманные побуждения делают вам честь, но в данном случае они совершенно лишние. Девушке не угрожает опасность даже в том случае, если я докажу, что она замешана в пропаже алмаза.

-?Вы думаете, миледи не станет преследовать ее судом? – спросил я.

-?Миссис Вериндер не может преследовать ее, – отозвался пристав. – Розанна Спирман лишь орудие в руках другого человека, и ради него ее и пощадят.

-?Не можете ли вы назвать этого другого человека? – спросил я.

-?А вы, мистер Беттередж?

-?Нет.

Пристав Кефф остановился и, посмотрев на меня с меланхолическим участием, вдруг спросил:

-?Мистер Беттередж, не стало ли вам как-то случайно известно, что Розанна Спирман недавно сшила себе новое платье?

Для чего он так неожиданно вернул этот странный вопрос? Я никак не мог догадаться. Полагая, что не наврежу Розанне, если скажу правду, я ответил, что девушка поступила к нам с весьма скудным запасом одежды и что миледи в вознаграждение за ее усердие подарила ей новую одежду пару недель назад.

-?Вы сами допрашивали служанок и знаете, какие открытия две из них сделали у дверей комнаты Розанны. Наверно, вы догадываетесь, чем занималась вчера девушка, сказавшись больной? Нет? Это же ясно как белый день! В одиннадцать часов утра инспектор Сигрэв – олицетворение человеческих слабостей – указывает всем женщинам на пятно на двери. У Розанны есть причины подозревать свои собственные вещи, поэтому при первом удобном случае она уходит к себе. Обнаружив пятно на своей кофточке или юбке, она притворяется больной и пробирается в город, где покупает материал для новой одежды. Девушка шьет ее одна, в своей комнате, в четверг ночью. Затем она разводит огонь, но не для того, чтобы сжечь старое платье. Розанна не настолько глупа. Она знает, что за ней могут подсматривать, что нельзя распространять запах гари и некуда девать пепел. Она разводит огонь, чтобы высушить и выгладить подмененную юбку, а испачканную, вероятно, скрывает на себе, чтобы уничтожить ее в каком-нибудь укромном местечке. В настоящий момент, я полагаю, девушка именно этим и занята. Сегодня я видел, как она заходила в одну хижину в рыбацкой деревне, куда заглянем и мы. Пробыв там некоторое время, Розанна вышла оттуда, пряча что-то под мантию, и направилась к берегу. С него открывается прекрасный вид на море, не так ли, мистер Беттередж?

-?Да, – ответил я.

-?Вкусы бывают разные, – сказал пристав Кефф. – Мне этот ландшафт не по душе, да и следить за другим человеком там невозможно, ведь спрятаться там абсолютно негде. Итак, мне оставалось выбрать одно из двух: или посадить Розанну в тюрьму, основываясь только на подозрениях, или пока дать ей волю поступать по своему усмотрению. Не желая беспокоить одну особу, которую мы пока не станем называть, я вернулся домой, чтобы просить вас проводить меня в ту самую рыбацкую деревню.

Когда пристав более подробно описал то место, я понял, что это хижина, в которой живет рыбак по имени Йолланд с женой и двумя взрослыми детьми, сыном и дочерью. Знакомство Розанны с ними началось с дочери, у которой была уродливая нога и которую прозвали Хромоногой Люси. Две девушки, страдавшие от своего безобразия, питали, я полагаю, самые добрые чувства друг к другу.

Добравшись до хижины, мы узнали, что рыбак вместе с сыном уплыл на лодке, а Хромоногая Люси, всегда слабая и утомленная, отдыхала на постели наверху. Добрая миссис Йолланд одна приняла нас на кухне. Когда ей стало известно, что мистер Кефф – лондонская знаменитость, она поставила на стол бутылку голландского джина и не спускала с пристава глаз, как будто не могла на него наглядеться. Пристав в своей обычной манере – подбираться к главному через околичности – завел разговор о королевской фамилии, но уже через четверть часа после того, как мы зашли на кухню, добрая миссис Йолланд была убеждена, что она беседует с лучшим другом Розанны.

Будучи твердо уверенным в том, что пристав зря тратит время, я сидел и слушал их разговор почти так, как прежде слушал в театре актеров. Знаменитый Кефф демонстрировал удивительное терпение, пытая счастье, производя выстрел за выстрелом, так сказать, наудачу, авось попадет. Все к чести Розанны, ничего ей во вред – вот чем это закончилось, как он ни старался. Последнюю попытку сыщик предпринял, когда мы, посмотрев на часы, уже собирались прощаться.

–?Доброго вам вечера! – сказал пристав. – И все же, несмотря на то что Розанна Спирман имеет искреннего доброжелателя в лице вашего покорного слуги, ей не следует оставаться на этом месте.

–?Господи! Да она же его оставляет! – вскрикнула миссис Йолланд.

–?Неужели? – удивился пристав, да и я наострил уши. – Что же с ней будет? У бедняжки ведь нет больше друзей, кроме вас и меня.

–?Есть! – возразила миссис Йолланд. – После сегодняшнего разговора на кухне с моей дочерью Люси и со мной Розанна попросила позволения пойти одной наверх, в комнату Люси. Это единственная комната в нашем доме, где есть чернила и перо. «Мне нужно написать письмо одному другу, – сказала она. – У нас в доме, где за мной подсматривают слуги, я этого сделать не могу». Кому это письмо было адресовано, я не знаю, но оно, должно быть, очень длинное,

судя по тому, сколько времени она просидела над ним наверху. Когда Розанна спустилась, письма у нее в руках не было. Я предлагала ей почтовую марку, но она отказалась. Бедняжка немного скрытна, но у нее точно есть друг, к которому она очень скоро отправится.

-?Вы, должно быть, ошибаетесь насчет Розанны Спирман, – сказал я. – Если бы она хотела оставить место, то сообщила бы об этом мне.

-?Ошибаюсь? – вскрикнула миссис Йолланд. – Всего час тому назад она купила у меня несколько вещей в дорогу!

Хозяйка взяла свечу и повела пристава в угол кухни. Там была навалена целая куча разных разностей, которые рыбак, ее муж, собирал с потонувших кораблей и еще не успел распродать. Миссис Йолланд, погрузив руку в груды мусора, вынула оттуда старый японский оловянный ящичек с крышкой и кольцом, для того чтобы его можно было повесить. Такие ящички используются на кораблях, чтобы сохранять от сырости географические и морские карты.

-?Вот! – воскликнула она. – Когда Розанна пришла сюда сегодня, она купила точно такой же ящичек. Она еще сказала, что он очень пригодится для ее манжеток и воротничков, чтобы они не мялись в чемодане. Один шиллинг и девять пенсов, мистер Кефф.

-?Экая дешевизна! – проговорил пристав, тяжело вздохнув.

Миссис Йолланд опять залезла в груды рухляди и на этот раз вытащила оттуда цепочку.

-?Взвесьте на руке, сэр, – обратилась она к приставу. – У нас было три таких, и две из них взяла Розанна. «Зачем вам, душечка, нужны такие цепочки?» – спрашиваю я. «Я сцеплю их вместе и обвяжу ими чемодан», – говорит она. «Веревка будет дешевле», – советую я. «А цепь надежнее», – отвечает она. «Где это слыхано, чтобы чемоданы обвязывали цепью!» – удивилась я. «О, миссис Йолланд, не упрямитесь, уступите мне их!» Странная она все-таки девушка, мистер Кефф. Розанна была так добра к моей Люси, ну, я и отдала цепи за три шиллинга и шесть пенсов.

-?Даром отдали! – сочувственно произнес пристав.

-?Вот деньги, – сказала миссис Йолланд, выкладывая на стол горстку серебра. – Кланяйтесь ей от меня и скажите, что совесть не позволяет мне забирать у бедной девушки последние деньги.

-?А мне совесть не позволяет возвращать деньги, – сказал пристав Кефф. – Вы все равно что подарили ей эти вещи, право, подарили.

-?Вы и правда так думаете, сэръ? – спросила миссис Йолланд, просияв.

-?В этом не может быть никаких сомнений, – ответил пристав.

-?Да ну к черту эти деньги! – сказала миссис Йолланд и, будто потеряв над собой всякую власть, схватила кучку серебра и спрятала ее в карман.

Я уже вышел на дорогу, чтобы вернуться назад. Объясните как можете, но я чувствовал себя так, будто один из них или они оба смертельно оскорбили меня. Не сделав и трех шагов по деревне, я услышал, что пристав идет сзади.

-?Благодарю вас, мистер Беттередж, – сказал он. – Я обязан жене рыбака совершенно новым ощущением. Миссис Йолланд озадачила меня. То, что девушка сделала сегодня, – продолжал пристав, – разумеется, довольно ясно. Один конец цепей она прикрепила к кольцу оловянного ящичка и спрятала его в воду или в песок. Другим концом она обвязала какое-то место под скалой, известное только ей. Розанна оставит этот ящичек там до тех пор, пока не закончится следствие, а потом, когда все успокоится, она достанет его из тайника. Но главный вопрос в том, – прибавил пристав с первым признаком нетерпения в голосе, – что же она прячет в этом оловянном ящике...

Я подумал: «Лунный камень!» – но вслух сказал:

-?Неужели вы не догадываетесь?

-?Это не алмаз, – продолжал пристав, – или весь мой жизненный опыт никуда не годится.

-?Испачканное платье? – предположил я, забывшись.

-?Когда что-нибудь бросают в ваш зыбучий песок, выходит ли это опять на поверхность? – спросил он.

-?Нет, – ответил я, – зыбучий песок втягивает в себя все и навсегда.

-?Розанне Спирман это известно?

-?Конечно, так же хорошо, как и мне.

-?Тогда ей стоило только привязать камень к старой одежде и бросить ее в зыбучий песок, – сказал пристав. – Нет ни малейшей причины для того, чтобы что-то прятать, а между тем она непременно спрятала. Вопрос состоит в том, что же это... Мистер Беттередж, если не произойдет ничего такого, что может помешать мне, я завтра же должен отправиться во Фризинголл и узнать, что она купила в городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Брамины – представители высшей касты в Индии.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/uilyam-kollinz/lunnyy-kamen-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)